

Авторский

16+

практический
образовательный
журнал
для СТИЛЬНЫХ
писателей
№1 (9) / февраль 2013

Style

УЖАС,
несущийся
на крыльях
клавиатуры

Зал славы

Стивен КИНГ
и его страшная история

Елена
Зимина:
Убиваю всех!

+ **10**
супер
пугающих
КНИГ

ТЕМА НОМЕРА:

Самый УЖАСНЫЙ выпуск
литература ужасов и её элементы

Style

Style

Диалог

по-дружески:
Елена ЗИМИНА:
Убиваю всех.
И всё равно иногда получается весело. 8

знакомство:
Владислав Тарарыв:
Темнота рождает бесконечность, которая нависает и давит на маленького человека 24

Обзор

издательства:
Ужасающий обзор оставшихся шансов на издание ужастика 12

писатели:
Писатели ужасов самые страшные и популярные 18

библиотеки:
Сердце Оксфорда:
Бодлианская библиотека 38

Мнение

практика:
Ужас, несущийся на крыльях клавиатуры или как напугать правильно 46

круглый стол:
Мастерство писателя ужасов и другие остросюжетные темы 64

Проза & Поэзия

Таня Баньши-Ва:
Ангелок? 34

Алексей Шинкеев:
Другое 56

Александр Лункрай:
Охотник 74

Плюс+

новости. 4

конкурсы. 6

зал славы:
Хозяин страха:
Стивен Кинг и его страшная история 28

досуг:
10-ка самых пугающих книг мировой литературы 82

А ТАКЖЕ:
Художники «ужасного» выпуска и их портфолио 84

Ваш вопрос - наш ответ 85

Главный редактор:
Адриэл ХАННА
adrielhanna@gmail.com

Выпускающий редактор:
Адалин ДОГМАР
authorstyle@mail.ru

Заведующий отделом прозы:
Сергей ДЕГТЯРЁВ

Редакторы:
Александр ЛУНКРАЙ
Анна БЕЗКРОВНАЯ
Сергей ДЕГТЯРЁВ

Авторы выпуска:
Александр ЛУНКРАЙ
Алексей ШИНКЕЕВ
Таня БАНЬШИ-ВА

Дизайн, верстка:
Адриэл ХАННА
Елизавета ЧАЙКИНА

Художники:
Владимир РЫЛОВ
Екатерина МАМАЕВА
Елена ПОЛИКАРПОВА
Елизавета ЧАЙКИНА
Наталья ПРУСАКОВА
Ольга КОВАЛЁВА
BUBINGIN
HellterSkelter

PR, реклама:
Сергей ДЕГТЯРЁВ
Таня БАНЬШИ-ВА

Контакты редакции:
authorstyle@mail.ru
www.authorstyle.org
www.vk.com/authorstyle
www.authorstyle.livejournal.com
www.twitter.com/authorstyle

Художник: Екатерина МАМАЕВА

Наконец-то! Всё. Теперь не страшно.

Хотя, наверняка меня еще месяц-другой будет преследовать эта кошмарная тема – ужасы в литературной повседневности. Никогда не относилась к этому жанру серьёзно, а накануне выхода «ужасного» выпуска под влиянием прочитанных материалов задумала триллер. Дорогие читатели, это ДЕЙСТВУЕТ!

Читайте, наслаждайтесь (если этой темой вообще можно наслаждаться ☺), действуйте. Берите пример с мировых писателей, знакомьтесь с историей короля ужасов Стивена Кинга, читайте о том, как писать страшно до дрожи, и становитесь великими в своем творчестве.

Пусть зимняя спячка заканчивается, весна пробуждает вашу Музу, и вперед –

к постижению новой мистической действительности реально увлекательной жизни писателя.

Да будет вам не страшно!

Главный редактор
Адриэл Ханна

«Авторский стиль», февраль 2013 г. Учредитель: Творческий союз «Авторский стиль» www.authorstyle.org
Журнал выходит с периодичностью 8 выпусков в год. Подписку на журнал можно оформить на сайте www.authorstyle.org. По вопросам пожеланий и предложений, сотрудничества, рекламы и предоставления материалов связывайтесь с нами по адресу authorstyle@mail.ru. С особенностями рассмотрения рукописей для публикации вы можете ознакомиться на сайте www.authorstyle.org. Редакция подтверждает авторские права на опубликованные тексты и иллюстрации. Использование любых материалов и идей журнала без разрешения редакции и указания источника запрещено. Перепечатка разрешается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных материалах, а также не является гарантом безопасности предоставленных рекламных ссылок на сторонние ресурсы.

© Творческий союз «Авторский стиль»
© Владимир РЫЛОВ, Екатерина МАМАЕВА, Елена ПОЛИКАРПОВА, Елизавета ЧАЙКИНА, Наталья ПРУСАКОВА, Ольга КОВАЛЁВА, BUBINGIN, HellterSkelter, Александр ЛУНКРАЙ, Алексей ШИНКЕЕВ, Анна БЕЗКРОВНАЯ, Таня БАНЬШИ-ВА

НЕЖУТКИЕ НОВОСТИ

Библиомобиль для популяризации литературы получат десять районов Московской области

Сотрудники районных библиотек говорят о диковинке довольно неопределенно: он будет оборудован по последнему слову техники, включая не только сканер и компьютер, но даже спутниковую тарелку. «Штуковина» будет разъезжать по селам и приобщать местных к литературе. Как именно это будет действовать – пока неизвестно, но на местах уже формируются сектора мобильного комплекса информационно-библиотечного обслуживания.

Инициаторы мобилизации библиосил говорят, что с приобретением мобиля библиотека станет центром, объединяющим культурно-социальные службы на селе, а в деревнях, где нет Интернета и домов культуры, должно произойти серьезное «шевеление» культурных сил.

Третий «Дневник Бриджит Джонс» увидит свет в ноябре этого года

Невероятно популярный роман британской писательницы Хелен Филдинг, речь в котором идет о толстушке, борющейся не только с лишними калориями, но и с любовными неурядицами, сразу получит тираж в 250 000 экземпляров.

Глава нью-йоркского издательства «Альфред Кнопф» признается, что сам долго ждал и надеялся на продол-

жение романа. Он уверен, что книга разлетится за считанные недели.

Напомним, что информация о возможных съемках третьего фильма о Бриджит Джонс появилась еще в 2009 году. Кинокритики предполагали, что перед зрителем появится героиня, изрядно постаревшая. Но сама Хелен Филдинг только мягко намекает на возможные перемены в образе Бриджит, не называя ни ее возраста, ни даже названия третьего романа.

Вместе с открытием нового музея в Питере Борис Гребеншиков представит коллекционное издание своей сказки «Иван и Данило»

Повесть была написана и впервые издана еще перед распадом СССР, тогда многие отметили общность текста и рисунков художника Александра Флоренского. Производили 36 экземпляров новой коллекции почти два года. В 2010-ом сделали первые оттиски на печатном станке XIX века, а в 2012-ом книга была выпущена с иллюстрациями от Александра Флоренского. Все 36 книг пронумерованы, подписаны писателем, художником и издателем.

Том, содержащий двадцать

иллюстраций и восемьдесят страниц текста, выполнен в кожаном переплете на бумаге ручного литья.

АСТ представит книгу сказок от Леонардо да Винчи в феврале

Известный художник и изобретатель эпохи Возрождения Леонардо да Винчи писал и книги, а вернее сказки для детей, которые еще при жизни принесли ему не меньшую славу, чем художественные работы.

Несмотря на то, что в сочинениях нет магии и волшебства, которые свойственны сказкам, звери, насекомые, растения и даже камни наделяются способностью размышлять и порой приходят к необходимым даже в современной культуре общества выводам. Сказки просты по стилю и форме, но их простота поверхностна. Как и все, что некогда создал да Винчи, произведения будут интересны думающим людям.

Сборник проиллюстрировала Адрианна Савиоши Маца.

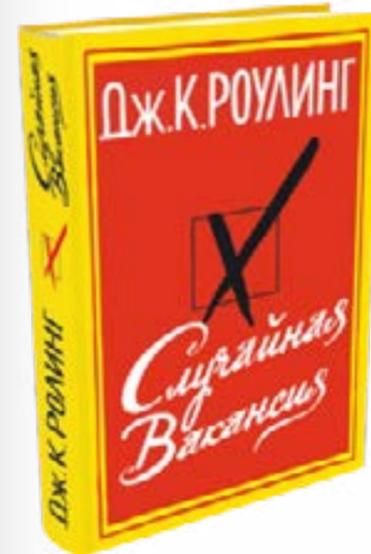
Новосибирская компания «ТОП-Книга» распродает остатки книг по 21 копейке за экземпляр

Оптом и в розницу, а также с молотка уходят в Новосибирске книги обанкротившегося книготоргового союза «ТОП-Книга». Как признаются соучредители компании, 29 рублей в розничном магазине – не минимальная цена распродажи. По бросовой цене в 21 копейку книги были выставлены на аукционе, что окончательно разорило сеть.

«ТОП-Книга» ступила на путь к банкротству еще в 2010

году по банальной причине нерентабельности. Книжные магазины сети пустовали задолго до этого, и не столько из-за цен на книжную продукцию, сколько из-за «вымирания» заинтересованного читателя.

Сооснователи утверждают, что такая беда вскоре настигнет все книжные магазины.

«Необычная» книга Роулинг наконец переведена на русский издательством «Иностранка» и вышла в продажу 13-го февраля

Напомним, что, оставив «мальчика, который выжил» и миг магов в покое, всемирно известная Джоан Роулинг взялась за произведение для взрослых под названием «Случайная вакансия». Речь в книге идет о «маглах», поднятые темы – классовое неравенство, борьба с наркотиками и проституцией, политические и социальные проблемы – далеко не новы, как и сюжет. Тем не менее, критики отмечают, что роман написан качественно.

Всего за первую неделю после выхода книги в Англии было продано более 120-ти тысяч экземпляров, а за три

недели – более миллиона англоязычных экземпляров по миру. BBC активно готовится к съемкам сериала по мотивам романа. Дата выхода экранизации – 2014 год.

В 13-тый раз проведена акция «Всемирные дни без мобильного телефона», основанная французским писателем

6-8 февраля француз Фил Марсо снова инициировал акцию, целью которой стала борьба с адикофонией (термин, придуманный самим писателем, означающий привыкание к мобильным телефонам и переживание страха перед их отсутствием). В эти дни популяризаторы акции предлагают снизить время использования мобильного или вообще отказаться от него.

Как отмечает сам Фил Марсо, появление технологичных мобильных устройств и смартфонов кардинально изменили коммуникативные привычки людей, теперь человек, оставаясь без смартфона, чувствует себя отрезанным от мира, испытывая не только дискомфорт, но и нервные расстройства.

Телекомпания RTL сообщает, что Марсо стал первым, кто написал SMS. Детектив о вреде курения изобилует SMS сокращениями, которые даже подросткам не всегда удается легко расшифровать. Писатель же отмечает, что он ни в коем случае не хотел поиздеваться над языком, а только привлечь подростков, которые пишут в день по 50 сообщений, к теме курения с наркотиками и проституцией, политические и социальные проблемы – далеко не новы, как и сюжет. Тем не менее, критики отмечают, что

роман написан качественно.

Всего за первую неделю после выхода книги в Англии было продано более 120-ти тысяч экземпляров, а за три недели – более миллиона англоязычных экземпляров по миру. BBC активно готовится к съемкам сериала по мотивам романа. Дата выхода экранизации – 2014 год.

«Антигейский» закон снова встал поперек горла

На этот раз бойкот устроил голландский писатель, призывая по примеру Венеции закончить год российско-голландской дружбы досрочно.

Бас Хайне в своей колонке в газете NRC пишет: «В то время как Барак Обама открыто поддерживает гей-браки, Путин в своей мафиократии под громкие аплодисменты разрешает ненависть и репрессии. Венеция была последней каплей». Он также отмечает, что обмениваться выставками в то время, как принимаются дискриминационные законы против своих же граждан, как минимум неприятно.

Напомним, что ранее Венеция прервала свои «братские» отношения в Санкт-Петербурге по этой же причине. А первыми на эту стезю ступили Миланцы, когда городским советом 22 ноября 2012-го года был принят указ, останавливающий всякие побратимские отношения Милана и Петербурга.

КОНКУРСЫ тоже НЕжуткие

Новая детская книга

Конкурс проводится с целью привлечь внимание читателей к современной российской детской литературе, открыть для широкой общественности новых талантливых авторов детских книг и дать им возможность опубликовать свои произведения.

Для участия в конкурсе приглашаются все желающие без ограничений по возрасту, гражданству, месту жительства.

К участию в конкурсе принимаются произведения любого жанра, основное требование к произведениям – соответствие тематике номинаций. Подробности на сайте: <http://www.rosman.ru/literary-contest/2013/>

Дедлайн подачи работ 1 апреля 2013 года.

Участие в конкурсе бесплатное, произведения на конкурс выдвигают сами авторы.

Победители и призеры конкурса награждаются ценными призами. Главным призом конкурса «Новая детская книга» является контракт с издательством «Росмэн». Произведения призеров конкурса издаются в иллюстрированном сборнике.

Творческий конкурс «СЕТИрикон 2013»

Принимаются юмористические рассказы, карикатуры и фото на конкурс СЕТИрикон 2013.

Организатор конкурса: журнал «Электроэнергия. Передача и распределение».

На конкурс принимаются только авторские работы, не содержащие нецензурных слов, высказываний или

изображений, соответствующие следующим темам:

Эксплуатация электрических сетей,

Перспективное развитие электрических сетей,

Инновации в электросетевом комплексе,

Энергосбережение и энергоэффективность,

Техника безопасности и охрана труда в электрических сетях.

Номинации конкурса:

СЕТИшарж (карикатура, комикс, плакат); СЕТИслог (афоризм, анекдот, частушка, история, рассказ); СЕТИкадр (фото и видео материалы (профессионального и любительского характера)).

В каждой номинации определяется два победителя: по решению конкурсной комиссии и народного голосования.

Победитель в каждой номинации получает приз – 10 000 рублей. Дедлайн подачи работ 31 марта 2013 года. Сайт конкурса: <http://www.setiricon.ru/>

Творческий конкурс «Алые паруса – 2013»

Организатор: Музей А. С. Грина в Феодосии. В конкурсе могут принять участие авторы возрастом до 16 лет.

Номинации:

Проза,

Поэзия,

Изобразительное искусство

(диптих, триптих оценивается как 1 ед.),

Декоративно-прикладное искусство,

Музыкальное искусство,

Оригинальный жанр.

Участники имеют право представить в одной номинации одну работу. Присланные работы не возвращаются и не рецензируются.

Авторы должны указать свой возраст, место проживания, год

создания произведения; для работ изобразительного и декоративно-прикладного искусства – материал, технику, размер. Работы должны быть самобытными и высокохудожественными.

Работы можно присылать по адресу: domgrina@mail.ru или по почтовому адресу: Музей А. С. Грина, ул. Галерейная, 10, г. Феодосия, 98100, АР Крым, Украина.

Телефоны для справок: (06562) 3-13-09; 3-53-20; 3-21-08.

Дедлайн подачи работ 1 апреля 2013 года.

Литературный конкурс «Автограф-2013»

Для участия в конкурсе приглашаются граждане России в возрасте до 25 лет включительно.

Участникам конкурса предлагается написать и опубликовать в печатной прессе творческую работу на одну (или несколько) из следующих тем:

Настоящий Поступок (материал в любом жанре),

Люди моей Родины (в любом жанре, кроме короткой заметки),

Специальный репортаж или Проверено на себе (журналистское исследование или расследование),

Путь в профессию (в жанрах Зарисовка, Очерк или Интервью),

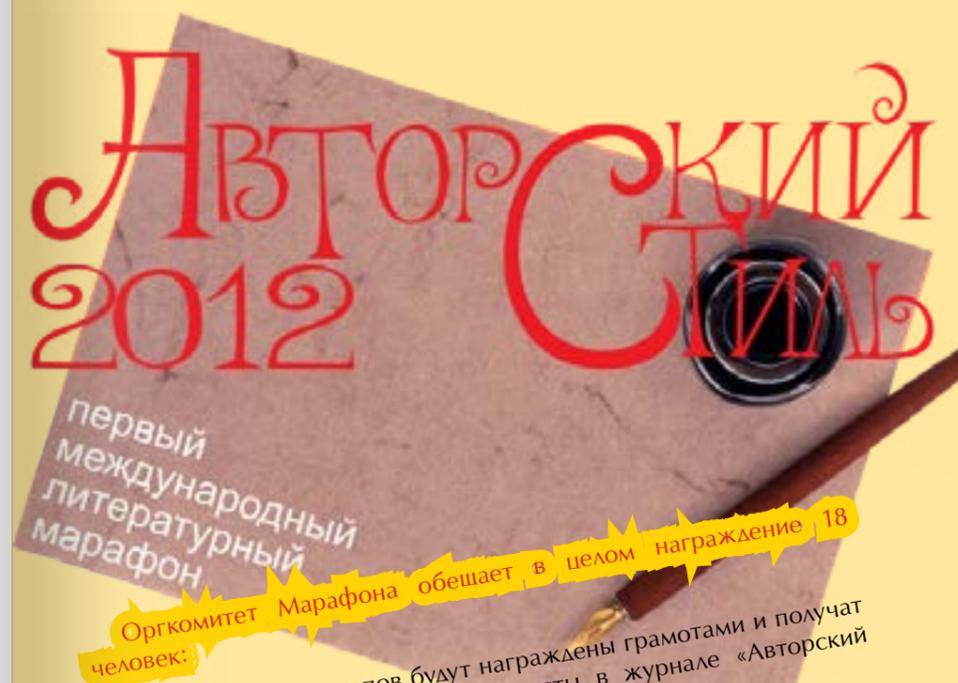
Удивительное рядом (материал в жанре Фельетон),

Интересное событие (публикация в жанре информационной заметки).

Дедлайн подачи работ 19 апреля 2013 года.

Сайт конкурса: <http://journal.ignj.ufr.ru/>

I Международный ЛИТЕРАТУРНЫЙ марафон «АВТОРСКИЙ СТИЛЬ 2012»: ТРЕТИЙ этап завершится уже в марте!

Литературный марафон организован литературно-образовательным журналом «Авторский стиль». Цель Марафона – создать сборник из работ трех победителей и одного лучшего критика и выпустить его на книжные полки страны с присвоением всех книжных номеров и регистрационных знаков. Спонсорская поддержка издания – издательством Романа Грабовского.

Новости:

По итогам двух этапов организаторы выбрали к публикации три конкурсных работы вне основных условий. Имена авторов, которые получают свои первые публикации, будут объявлены 28 марта 2013 года.

Третий этап Марафона будет судить критик и публицист Василий Владимировский. Библиография писателя насчитывает сотни критических статей. Подробнее о третьем этапе узнайте на официальном сайте журнала.

www.authorstyle.org

контактная информация:

e-mail для связи с оргкомитетом: konkurs@authorstyle.org

организатор

Авторский
Style

спонсор

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Романа
Грабовского

Елена ЗИМИНА: Убиваю ВСЕХ.

И всё равно иногда **ПОЛУЧАЕТСЯ** весело.

Писательница детективов и триллеров Елена Зиминая рассказала нашей редакции о занимательных и даже веселых аспектах «ужасающего» творчества: юморе, страхе и слабости женщины, которая всегда побеждает силу мужчины.

– Триллер в исполнении женщины, это как минимум экстравагантно... Обычно это мужчины – Кинг или ещё кто.

– Я бы не сказала, что писательница триллеров, это так уж экстравагантно. Другое дело, что у нас вообще нет такого жанра в литературе, как триллер. Криминальная мелодрама, детектив... иронический детектив, боевик.

– Как вы вообще выбрали этот жанр? Как создавали его?

– Я его не создавала, жанр был. Это меня в нём было.

Почему выбрала?

В юности я зачитывалась романами Д. Х. Чейза – мне нравилось в них ощущение драйва, неоднозначность характеров героев; нравилось то, что у Чейза не определена чётко грань между плохим и хорошим, и те, кого общество клеймит позором, часто оказываются человечнее так называемых «положительных» героев. Наверное, тогда же мне захотелось написать что-то похожее, но по-русски и по-женски.

Кроме того, мне всегда было интересно сочетание силы и слабости, жесткости и мягкости. Триллер действительно больше мужской жанр, но я считаю, что написанный женщиной, он приобретает особенное «звучание». Прежде всего, в нём появляются чувства. Конечно, и мужчины могут быть сентиментальны, но так уж принято

(особенно в криминальных романах), что настоящие мужчины должны быть «рыцарями без страха и упрека». А для женщины допустимо проявить слабину, раскрыть чувства. Как известно, сила женщины в слабости.

Это с успехом применяли с давних времен... Например, в Средневековой Японии были куноити (пер. отравленные дикими цветами). Такое название получили женщины-ниндзи. Концепция создания куноити строилась как раз на том, что слабость женщин всегда победит силу. И действительно женщины легко противостояли противнику, прибегая к маленьким женским хитростям: впадали в жуткую истерику, молили врага о пощаде, изображали сильный испуг или обнажались, отчего противник терялся, а куноити тут же наносила смертельный удар и побеждала.

Так что я всего лишь применила этот метод в литературе. И опять же, я не первая, кто так поступил.

– Для меня, как не искушенного в этом деле человека, первый вопрос, пожалуй, вдохновение. Кто-то сказал, если вы переживаете ярость или психологический стресс, напишите триллер. Чтобы ужаснуться и успокоиться...

– И что, этот Кто-то пишет триллеры?

Нет, тут всё не так просто. Не обязательно человек, написавший о герое, который убил блондинку, мечтает передуть всех блондинок. Хотя, конечно, есть авторы, которые через творчество выплёскивают свои негативные эмоции и страхи, либо таким образом «отвечают» реальным обидчикам, справиться с которыми в обычной жизни не в состоянии.

Но у многих писателей (к которым отношусь и я) личная жизнь и творчество мало пересекаются (почему всё-таки пересекаются, объясню позже). Это просто работа. Есть заранее продуманный сюжет, согласно которому герой должен вести себя определённым образом. При этом автор может и не разделять взгляды своего героя.

В этом плане писатель сродни актёру. Задача актёра – вызвать определённые чувства у зрителя. Это зритель должен почувствовать к герою симпатию-антипатию, загореться его идеями, разделить его чувства и т. д., и т. п. Сам актёр может думать совершенно иначе,

чем его герой. Но – одно точно: что-то своё каждый актёр в исполнение роли вносит. Именно потому в исполнении разных актёров один и тот же герой выглядит по-разному. Даже больше: я люблю по несколько раз смотреть одни и те же спектакли, и часто один и тот же актёр в разные дни может играть одну и ту же роль по-разному. Что-то у него сегодня случилось, что-то его беспокоит, какой-то вопрос занимает, и это так или иначе найдёт отражение в сегодняшней игре. При том, что текст, который он читает – одинаковый.

– Что является вашим вдохновением для создания триллера?

– Созерцание и медитация.

– А ещё, знаете, говорят, будто писатель так вживается в роль, как описанные вами актёры, что герои начинают преследовать его. После того, как вы расстались с книгой, начинают ли ваши персонажи приходить во сне и нарушать психологический покой?

– Если бы только во сне! Вон – сидят напротив и нарушают всё подряд!

А если серьёзно, то нет – никто ко мне во сне не приходит. Конечно, пока работаешь над романом, герои становятся для тебя живыми людьми. Я всегда и начинаю роман с того, что тщательно продумываю героев. До мелочей – их привычки, пристрастия, достоинства, недостатки, страхи. Вплоть до того, чем они болели в детстве. Например, вот у этой героини небольшой шрамик на коленке – это оттого, что она упала в детстве с качели. Многие из этой информации так и останутся в черновиках и до читателя не дойдёт, но поможет мне воспринимать героев как живых.

– Вообще если говорить о любителях остросюжетной литературы, они либо смеются во время страха, либо шугаются. Вы чего хотите добиться от читателя?

– В зависимости от эпизода. Роман – это ведь многоплановое произведение. Там, как и в жизни, печаль идёт под руку с радостью, а то, что для одного человека комедия, для другого трагедия. Поэтому мне бы просто хотелось, чтобы читатели переживали всё вместе с моими героями и разделяли их чувства.

– С какими трудностями вы сталкиваетесь во время работы над триллером и его элементами? И наоборот, что даётся легко?

– Трудностей так много, что всего и не перечислишь. Причём, в каждом романе трудности свои. Кстати, когда написано несколько романов, возникает трудность, как бы не повторять саму себя. Начинаешь описывать какой-то ход и понимаешь, что по такому пути «шли» герои прошлого романа, а значит нужно придумывать другое решение.

– Из чего состоит триллер? Здесь математика. Страх+накал+напряжение+...?

– Из всего понемногу. Главное соблюсти пропорции так, чтобы было вкусно.

Если составлять только из страха-накала-напряжения, читатель быстро устанет – невозможно сопереживать бесконечно. Поэтому, на мой взгляд, в триллере необходимы

юмор и сентиментальность. Они разряжают атмосферу, позволяют читателю отвлечься, успокоиться. Но с юмором надо быть осторожнее. Когда его слишком много, это утомляет.

Мне лично нравятся авторы, которые умеют играть настроением читателя.

– Важнейший элемент литературного ужаса страх?

– В хоррорах наверняка. Я же пишу немного другое. Хотя элементы хоррора у меня присутствуют, но я не ставлю перед собой цель довести читателя до энуреза.

Что же касается страха, то он по своей природе прост, и в этом его сила. Поэтому как только автор (а среди начинающих это часто встречается) начинает накручивать какую-то псевдофилософию или искусственно всё усложнять – страх уходит.

– Что важнее — герой или антураж?

– Всё важно. Но у меня сначала появляется герой.

– Какими приёмами вы пользуетесь для создания «неблагоприятной» для веселья атмосферы?

– Убиваю всех. И всё равно иногда получается весело.

– Елена, вы читаете то же, что и пишете? Я бы предпочла отдохнуть на сканвордах, чем после такой напряжённой работы ещё и читать о напряжении...

– Конечно, я читаю, триллеры. Хотя бы для того, чтобы знать, что этот жанр собой представляет.

А вообще я читаю разножанровую литературу. В том числе и не художественную. Например, когда писала детектив с японским мотивом, полтора года читала в основном то, что относится к Японии. Это классики японской литературы, исторические материалы, касающиеся времени правления Тоётоми Хидеёси, интересовалась холодным оружием.

Сейчас пишу роман, где события, происходящие в наше время, будут переключаться с событиями, произошедшими во времена тюркютского каганата. Поэтому читаю всё, что относится к древним тюркам. А так как роман будет с элементами мистики, то ещё пытаюсь изучить природу шаманизма.

Так вот и работаем. ♦

Художник: HellterSkelter

Ужасающий ОБЗОР

оставшихся ШАНСОВ на издание ужастика

К сожалению, ничего утешительного сегодня мы не скажем. Ужастика хоть и любимы публикой, хоть и востребованы у издателей, но никаких сил не хватает, чтоб печатать все, что хочется. К концу 2012 года по причине нерентабельности «скончалось» пять фантастических журналов, среди которых гиганты «Полдень XXI век» и «Если». Книжные издательства если и принимают рукопись, то откладывают ее в долгий ящик. А те возможности, которые остались у писателя, не блещут разнообразием. Тем не менее, они есть. Это и издание за свой счет, и терпеливые и настойчивые попытки пробиться в форматную литературу. Значит, приступим к обзору.

Фэнзин, признанный Европой

Журнал «Шалтай-Болтай» – фэнзин с 17-тилетней историей. Вплоть до 2003-го года выходил небольшими тиражами в 30-40 экземпляров и распространялся среди волгоградских фэнов. После, с приходом в редакцию Олега Шевченко и Андрея Тужилкина, увеличился тираж, появились новые авторы. Со временем к изданию начали проявлять интерес российские и зарубежные писатели-фантасты.

По итогам Еврокона-2006 журнал признан лучшим фэнзином Европы. Сегодня он выглядит вполне профессионально, хотя и создается до сих пор силами фэнов и писателей на некоммерческой основе.

Объем рассказа не имеет значения, лучше посылать рассказ, не опубликованный в других изданиях. Публикации в Интернете не считаются.

Присылать тексты лучше главному редактору Ольге Кавеевой helet2008@yandex.ru

Душевное издательство

Издательство «Букмастер» находится в Белоруссии, но это не мешает им быть душевными и близкими к каждому писателю. Общаются с авторами охотно, с ответами на вопросы подолгу не тянут. Если захочется издать ужастик у «Букмастера», нужно будет потрудиться вписать его в формат мистики или криминала, так как принимают редакторы в основном детектив и любовный роман, но от хорошего ужастика не отказываются.

Посылая рукопись, приложите синопсис и несколько глав текста.

sovrshkola@tut.by

Гигант литературы

Несмотря на то, что издательство «Эксмо» не выделяет отдельной рубрики под литературу ужасов, триллеры, хоррор и даже порой трэш публикуется. Все это – под знаменем фантастики или криминала,

или подростковой литературы. Тут уж автору придется решить самостоятельно, к чему ближе его книга. Решить и выбрать подходящий email.

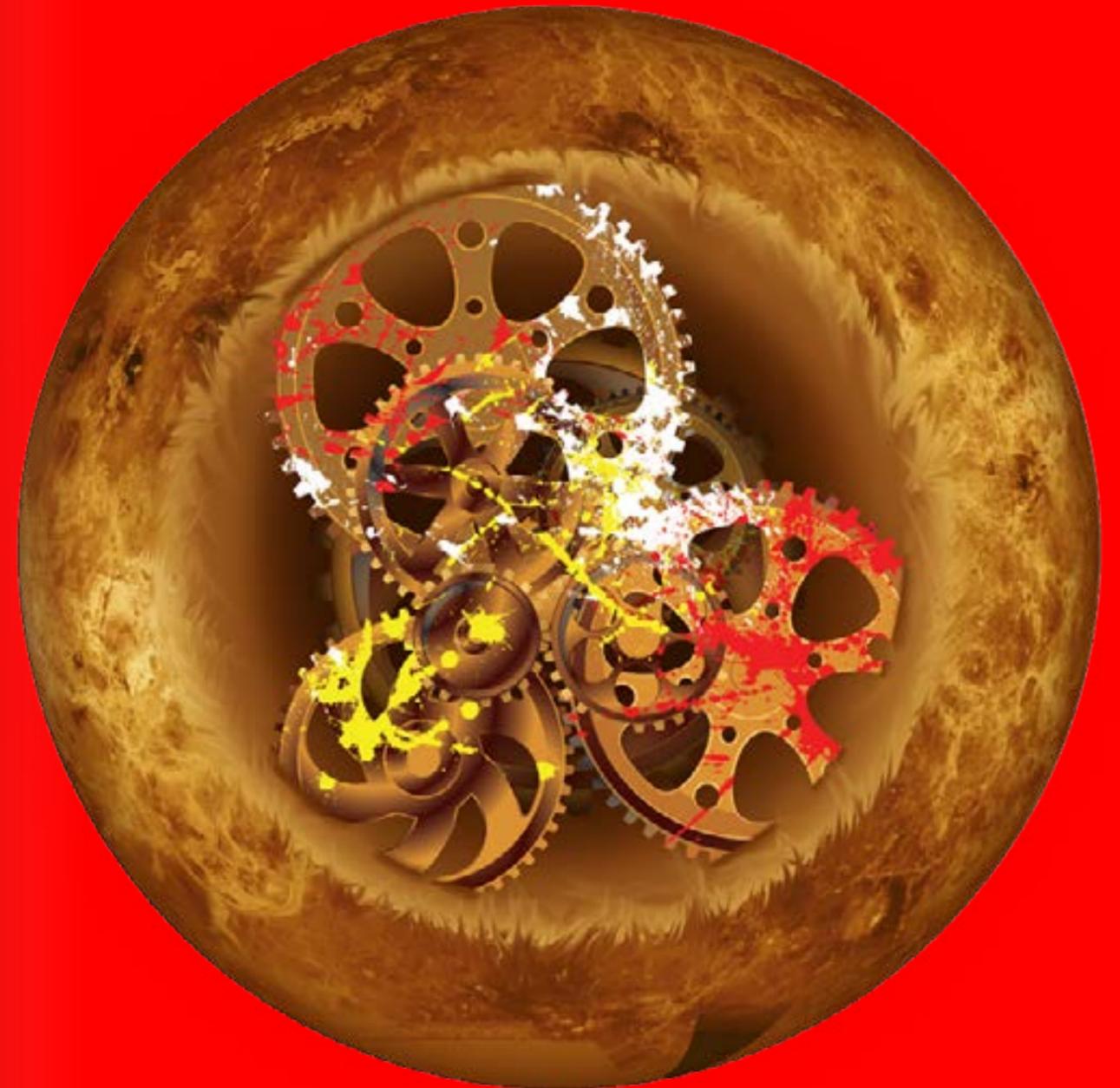
fantastika@eksmo.ru
podrostki@eksmo.ru
proza@eksmo.ru
newproza@eksmo.ru

Почти идеальный самиздат

Издательство «Грифон» предлагает писателю издать книгу тиражом от 50-ти экземпляров. Вы пишете, вас печатают – все просто. Плата за тираж в тысячу экземпляров обойдется в сто с копейками тысяч. Сюда включена полная предпечатная подготовка и непосредственная печать тиража. Издательство готово создать оригинал-макет, напечатать тираж, присвоить тиражу необходимые регистрационные коды, а также распространять книгу. Отличие

ФАНТАСТИКА ОТ «АВТОРСКОГО СТИЛЯ»

ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ? AUTHORSTYLE@MAIL.RU

Творческий союз «Авторский стиль» собирает рассказы в сборник фантастики. Подать заявку может гражданин любой страны, достигший совершеннолетия. Стоимость участия от 1000 рублей. Книге тиражом 1000 экземпляров будет присвоен ISBN, большая часть тиража будет разослана по Федеральным и городским библиотекам России. Автор получит пять экземпляров бесплатно. Подробнее на сайте www.authorstyle.com или по e-mail authorstyle@mail.ru.

только в том, что отпускную цену устанавливает сам автор. Так, если ваша книга стоит вам 100 руб. за экземпляр, издательство готово реализовать ее за 166 рублей.

grifon@grifon-m.ru
+7 499 740-45-62
123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38, офис 522

Классика издательского дела

Издательство «РИПОЛ классик» входит в десятку самых лучших России. Срок рассмотрения рукописи составит 2 месяца, по прошествии которых редакторы связываются с автором самостоятельно.

В каталоге издательства есть и триллер, и ужас, и мистика. Объем рукописи от 8 до 12 авторских листов. Заявку на рассмотрение придется заполнить на сайте, где указать не только основные данные автора и приложить синопсис, но и определить аудиторию книги и обосновать ее идею по типу «Зачем? Что с того? Каков вывод?»

<http://www.ripol.ru/newauthors/>

Вариации на тему

Алгоритм работы издательства «Алгоритм» очень прост. Судьба вашей рукописи имеет три варианта: выйти

в свет за счет издательства, за ваш счет или 50/50. Все зависит, во-первых, от качества, во-вторых, от засушенных планов издателя, в-третьих, от перспективы этой книги. В любом случае с автором проведут диалог и выяснят, на что он рассчитывает.

Руководители отмечают: предлагаемый тираж составит 3000-5000 экземпляров, в случае издания 50/50 автор становится собственником книг. Ввиду этого возникает сомнение, что вариант 50/50 действителен, а не является удешевленной версией издания за свой счет.

algoritm-izdat@mail.ru

По-мужски

Издательство для мужчин как писателей, так и читателей «Крылов» принимает ужастики, но очень форматного плана. Автор должен попасть в рамки одного из предложенных жанров: хроноопера, альтернативная история, фантастика, фэнтези, боевик. Если у вас получилось написать что-то страшное в таком ключе – вперед к покорению серий «Историческая

Всеядный АСТ

Всем известный гигант «АСТ» также не против ужасика. Требования к рукописи стандартные: если высылаете роман, прикрепляйте синопсис и первые три главы, а также сведения о себе. Все это – в архивированных doc. файлах. В теме сообщения обязательно укажите «Для главного редактора». Срок рассмотрения рукописи составляет от 1 до 3 месяцев.

authors@astrel.ru ♦

ОТ РЕДАКТОРА

В каждом выпуске мы публикуем около десятка издательств с их контактами. У каких-то из них есть особые пожелания, но чаще всего мы просто ограничиваемся контактами и кратким обзором. Но несмотря на это, хотелось бы, чтоб автор понимал: отсылать пустую рукопись – равно, что приходить на собеседование, не поздоровавшись. Вы должны представить не только себя, но и свое произведение, которое в итоге покорит издателя.

Помните: пустое письмо с одним только прикрепленным файлом не будет даже прочитано издателем (если только он не переживает критические времена и не получает только одну рукопись в месяц). А кроме приветствия и представления себя, стоит представить свое произведение. А это значит – выслать обоснование и синопсис. Ведь ни один редактор не возьмется читать роман ради того, чтоб только в конце заключить, что он «не подходит».

Обращаясь к автору, также хочется сказать: не обижайтесь, если на ваши письма не отвечают, если вы не потрудились хотя бы сказать, как вас зовут и поздороваться.

ИЗДАТЬ КНИГУ ЛЕГКО!

РОМАН	x2	= 35 000 р.
ПОВЕСТЬ		= 20 000 р.
РАССКАЗ		= 10 000 р.

+гоногар

romangrabar@yandex.ru
redaktor@grabovsky.com
www.grabovsky.com

ПО ТУ СТОРОНУ РЕАЛЬНОСТИ

В мире так много неизученного, недоказанного. Одни люди пытаются все объяснить с научной точки зрения, другие во всем видят паранормальное. И это правильно! У каждого человека должен быть выбор, во что верить.

Все неизведанное притягивает, заставляет погружаться все глубже и глубже в свои тайны. Разум говорит, что нужно бы остановиться, все забыть и жить дальше, но любопытство съедает, и вот мы уже дрожим от страха и бежим в обратном направлении. Для кого-то подобная ситуация всего лишь сон, а для кого-то – страшная явь.

Кто-то живет с этими кошмарами и боится даже рассказать о них. А есть категория людей, которым просто необходимо поделиться с окружающими.

ТРЕТИЙ ТОМ СБОРНИКА МИСТИКИ И ФАНТАСТИКИ «ПО ТУ СТОРОНУ РЕАЛЬНОСТИ» ДАЕТ ПЛОЩАДКУ КАК РАЗ ДЛЯ ТЕХ, КТО ДО СИХ ПОР ЕЩЕ НЕ УСПЕЛ РАССКАЗАТЬ СВОЮ ИСТОРИЮ. И ВРЕМЕНИ ОСТАЕТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ! ЭТО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СЕРИИ. ПОПАСТЬ НА ЕГО СТРАНИЦЫ МОЖНО, ПОДАВ ЗАЯВКУ ДО 20 АПРЕЛЯ 2013 ГОДА, ПЕРЕИДЯ ПО ССЫЛКЕ: http://soyuz-pisatelei.ru/index/sbornik_quot_po_tu_storonu_realnosti_quot/0-42

КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ ИНТЕРЕСНО ОШУТИТЬ СЕБЯ ЗА ГРАНЬ ЭТОГО МИРА, И МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ В МИР, КОТОРЫЙ СОЗДАВАЛИ ДЛЯ ВАС БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ АВТОРОВ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ЗА ГРАНЬ ВАШЕГО СОЗНАНИЯ, В МИР, НАПОЛНЕННЫЙ МИСТИЧЕСКИМ ДУХОМ И ФАНТАСТИЧЕСКИМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ. ПОЗВОЛЬТЕ СВОЕМУ РАЗУМУ ОКУНУТЬСЯ В АТМОСФЕРУ, ДАЛЕКУЮ ОТ ПРИВЫЧНОЙ. ПУСТЬ КАЖДАЯ СТРАНИЦА ЭТОГО СБОРНИКА ВПИТАЕТ В СЕБЯ ВАШИ ЭМОЦИИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ. И ПОВЕРЬТЕ, ЧИТАЯ ЭТОТ СБОРНИК, ВЫ СМОЖЕТЕ ОШУТИТЬ СЕБЯ «ПО ТУ СТОРОНУ РЕАЛЬНОСТИ».

13 АВГУСТА 2012 ГОДА ВЫШЕЛ В СВЕТ СБОРНИК МИСТИКИ И ФАНТАСТИКИ «ПО ТУ СТОРОНУ РЕАЛЬНОСТИ». ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ ТОМ СЕРИИ. ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ О ПРОЕКТЕ И КОЛИЧЕСТВО ЖЕЛАЮЩИХ СТАТЬ АВТОРАМИ ВТОРОГО ТОМА ПОЗВОЛИЛИ ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ О ПРОДОЛЖЕНИИ СЕРИИ: В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ВЫИДЕТ ВТОРОЙ СБОРНИК «ПО ТУ СТОРОНУ РЕАЛЬНОСТИ», А ЗА НИМ И ТРЕТИЙ, В КОТОРОМ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ.

WWW.SOYUZ-PISATELEI.RU

Писатели УЖАСОВ

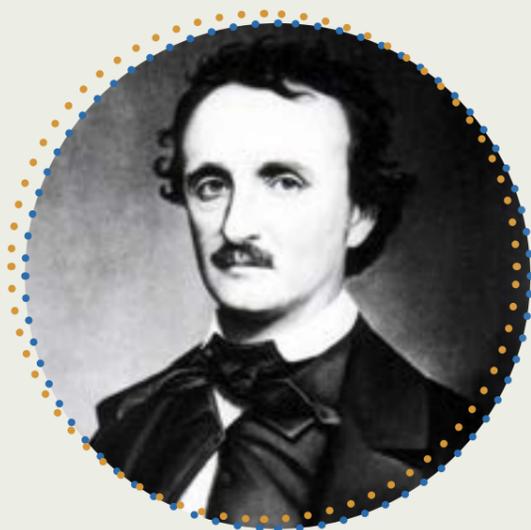
самые СТРАШНЫЕ и популярные

Литература ужасов далеко не всеми критиками считается нормальной. Про Николая Гоголя говорят, что загадка его смерти – это Божья кара за мистические произведения, Стивена Кинга некоторые считают безумным, Эдгар По до сих пор среди многих почитателей считается слегка чокнутым... Если вы решили писать ужас, будьте готовы к удивительной критике. Но если напишете качественный роман, то вас будут вспоминать с дрожью в голосе, как и писателей нашего обзора.

Эдгар Аллан По (1809-1849 гг.)

Американский писатель, поэт, критик, редактор. Человек, практически создавший короткий рассказ и основавший форму современного детектива. Также известен как писатель «страшных рассказов». О своих ужасах По говорил, что они идут из его души. До сих пор из его рассказов и стихов собирают сборники. Почитать стоит рассказы «Лигейя», «Черный кот», «Метценгерштейн».

Не менее примечательной стала смерть писателя-мистика. Его нашли ограбленным и раздетым, по одной из версий смерть наступила от передозировки наркотиками. Все документы о причинах смерти исчезли. Начиная с 1949 года, ежегодно могилу писателя посещает некая загадочная личность, о которой ходит множество слухов. Несмотря на то, что многие видели человека у могилы, никто до сих пор не установил личности «Тайного поклонника Эдгара По».

Мэри Шелли (1797-1851 гг.)

Эта хорошая знакомая лорда Байрона является автором известнейшего произведения «Франкенштейн, или Современный Прометей». Роман дважды экранизирован и считается родоначальником научно-фантастической художественной литературы. Самое интересное, что придумала его Шелли во сне, после посиделок с Байроном. Потом писательница не могла без содрогания вспоминать этот сон.

Главный герой Виктор Франкенштейн сумел возродить жизнь, «собрал» одного человека из частей тела разных людей. В романе острым углом становится тема невозможности человека взять на себя функции Бога. Многие видят среди прототипов Франкенштейна Иоганна Конрада Диппеля, Джованни Альдини и Луиджи Гальвани.

Брэм Стокер (1847-1912 гг.)

Хотя написано было множество коротких рассказов, этого писателя все знают по незабвенному «Дракуле», которого Стокер создал под влиянием новеллы «Кармила» Фаню. Готический роман про графа-вампира, ради которого Стокер целых восемь лет изучал всевозможные истории и предания о вампирах, послужил основой создания вампирских образов для многих писателей. На экранах граф Дракула появился несколько десятков раз как в экранизации Стокера, так и в других картинах. Тема кровососов воплотилась и позже в романе «Логово белого червя». Видимо, бессмертные убийцы не на шутку захватили Брэма.

Говард Филипс Лавкрафт (1890-1937 гг.)

Основатель жанра фэнтези и один из «отцов» хоррора. Родоначальник «Мифов Ктулху», наряду с Робертом Говардом считается зачинателем жанра фэнтези. Его именем назвали целый поджанр – лавкрафтовские ужасы. Особенность жанра заключается в том, что в качестве ужасающего и страшного использованы не персонажи (оборотни, зомби, вампиры и т.д.), а психологических страх перед неизвестным. Также нужно отметить, что именно Лавкрафт впервые подробно разработал «космический ужас», описав внедрение инопланетян в земную жизнь.

«Дагон», «Зов Ктулху», «Дом Ктулху», «Сомнамбулический поиск Неведомого Кадата» стоит читать на ночь при свечах.

Томас Харрис (1940 г.)

Писатель и журналист, со знанием дела подходивший к написанию серии о докторе Ганнибале Лектере. Его герой – выдающийся психиатр и хирург, а одновременно с этим серийный убийца. На своих жертвах доктор практиковал каннибализм.

По признаниям многих специалистов, Харрис внёс ценные сведения в расследования серийных убийств. Это лишь подтверждает квалификацию писателя. Наиболее популярной является серия книг о докторе Лектере, а самая сильная среди них – «Молчание ягнят». В экранизации книги главную роль сыграл Энтони Хопкинс.

Николай Васильевич Гоголь (1809-1852 гг.)

Имя Николая Гоголя наверняка известно каждому читателю журнала. Не только его мистическая проза, но и сама жизнь таинственного и закомплексованного писателя порождает массу гипотез. Гоголь никогда не был женат, жил практически затворником, а незадолго перед смертью сжег все рукописи, которые находились у него дома, сомневаясь в их «правильности». Некоторые считают, что Гоголь был подвержен маниакально-депрессивному психозу или шизофрени. Один говорят, что его похоронили живым (в состоянии летаргического сна), так как при перенесении останков череп был неестественно повернут вбок, другие считают, что Гоголь попросту уморил себя голодом, соблюдая строгий пост. Из «ужасного» стоит прочитать цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», в который входит 8 повестей, и «Вий».

Барбара Хембли (1951 г.)

Американская писательница, несколько лет потратившая на поиски работы, чтобы иметь возможность заниматься любимым делом. Как впоследствии оказалось, она не зря так тянулась к литературе. В 1989 г. стала обладательницей премии Locus Award за роман ужасов «Те, кто охотится в ночи». Является обладателем черного пояса по карате, увлекается гаданием на картах Таро.

Уильям Питер Блэтти (1928 г.)

Писатель, сценарист и режиссёр. А также автор невероятно известного романа «Изгоняющий дьявола» («Экзорцист»). Он знаменит экранизацией, но и книга была продана огромным тиражом. Первый тираж составил 200 000 экземпляров, в мягкой обложке 350 000, карманным изданием – 4 000 000 экз. В последующие годы было продано 13 млн. экз. Примечательно то, что книгу Блэтти стал писать благодаря выигранным 10 тысячам долларов – по одной из версий. Другая версия гласит, что 10 тысяч были авансом от издательства «Bantam Books». Экранизация романа стала классикой не только фильмов ужасов, но и мирового кинематографа в целом.

Впоследствии в творчестве Блэтти зачастую присутствовали демоны во всех их обликах.

Художник: Ольга КОВАЛЕВА

Роберт Ирвин Говард (1906-1936 гг.)

Американский писатель, друг Говарда Лавкрафта. Больше знаменит, как «отец» Конана, но кроме фэнтези о могучем киммерийце, Боб Говард написал несколько отменных рассказов в жанре ужасов. Из них можно выделить следующие: «Дети ночи», «Дом окруженный дубами», «Черный камень», «Голуби преисподней», «Не рой мне могилу». Элементы хоррора Говард использует во многих произведениях о Конане, Соломоне Кейне, Бране Мак Морне. Также писал произведения, продолжающие «Мифы Ктулху».

В день смерти матери Говард вышел из больницы, сел в машину и выстрелил себе в голову. Писателю было 30 лет.

Алексей Михайлович Ремизов (1877-1957 гг.)

Русский писатель и стилист, один из немногих в дореволюционной России, кто писал в жанре ужасов. Произведения отдавали мистицизмом, показывали страхи того периода жизни. Славянские корни тесно переплетались в них с готическими веяниями. При этом в стиле Ремизов отказывался использовать европейские приёмы, предпочитая им уже давно устоявшиеся русские.

Известны такие ужастики как «Жертва», «Чёртик». Оба являются святочными рассказами, опубликованы в первом выпуске журнала «Золотое руно» за 1907 год. «Чёртик» победил в конкурсе на лучший рассказ о дьяволе.

Стивен Эдвин Кинг (1947 г.)

Писатель, работающий во многих жанрах, но наиболее популярным стал именно в литературе ужасов. Негласно считается «Королём ужаса». В 2007 году получил звание Великого Магистра от Американских писателей-мистиков. Активно продвигает тему ужасов как «отклонения души» и подобно Эдгару По говорит, что весьма вероятно, является несколько «двинутым». Писатели Дж. Клот и П. Николс отмечают: «острота его прозы, внимание к диалогу, обезоруживающее непринужденный и откровенный стиль изложения, страстное, яростное обличение человеческой глупости и жестокости, особенно детей, все вместе это делает из него по настоящему популярного писателя». Стоит заметить, что некоторые критики называют Кинга неадекватным, а сам писатель ведет «войнушку» за качество литературы с популярной писательницей Стефани Майер.

Самыми известными произведениями являются «Кэрри», «Кладбище домашних животных», «Сияние». ♦

WANTED

Мы ищем редакторов, дизайнеров, художников, журналистов, скандалистов, знатоков и всех-всех-всех, кто хочет и может быть полезным журналу «Авторский стиль».

Каждому, кто хочет стать причастным к современной литературе, мы предлагаем написать на адрес редакции authorstyle@mail.ru и стать причастным! Сколько можно сидеть, втихую мечтая написать для суперского издания?! Настал час истины. Мы ждем.

А если совсем уж серьезно, то всякий, кто чувствует в себе литературное желание, может стать участником творческой группы.

- писать статьи,
- подбирать иллюстрации,
- выдумывать прикольные темы,
- общаться с писателями и издателями,
- находить пути распространения,
- выбирать партнеров,
- находить скандальные новости,
- собирать полезную информацию,
- стать частью печатного издания!

Дел невпроворот. И, в конце концов, новая жизнь начинается не каждый день!

authorstyle@mail.ru
 +7 922 117 26 30

Владислав ТАРАРЫВ: ТЕМНОТА рождает бесконечность, которая нависает и ДАВИТ на маленького человека

Владислав Тарарыв из тех писателей, которые даже в ужастики вкладывают мораль. Его детские сказки при детальном рассмотрении оказываются вовсе не детскими, и не столько из-за страха, сколько из-за вложенного в них смысла. Редакция предлагает вам познакомиться ближе с писателем и литературными приемами, которые он использует в своих сказках.

– Владислав, для начала расскажите немного о себе и своем творчестве. Когда и как решились взяться за перо? Почему именно писательство привлекло вас из всего разнообразия творческих путей?

– Вы будете смеяться, но всё началось с поговорки моего кума Сергея: «Мыши кололись и плакали. Но продолжали есть кактус». Это был 2007 год. В то время было модно собирать всякие смешные высказывания, истории с неявными смыслами. «Мышиная» тема понравилась, и я стал коллекционировать мысли о мышах с подтекстом.

Меня веселило, как слова и предложения рожают образы, о которых не думал. Затем я попробовал рифмовать. Так появился герой с именем, мышонок Пик:

Пик работает в архиве
При научном коллективе.
Его функция – в истории
Расширять поля теории.

Истории отличались юмором, но профессионализмом исполнения не блистали.

Я поместил тексты на самиздат Машкова. И начал писать тренировочный роман в жанре фэнтези. Тот вырос до размера вселенной, но не закончен до сих пор. Я никогда серьезно не относился к своему творчеству. Писательство – хобби, увлечение, прямо связанное с профессией программиста, которой зарабатываю на жизнь. В обоих случаях я делаю одно и то же: придумываю миры, живущие по неким законам, описываю события, рассматриваю взаимодействия героев и волю случая. Мне нравится реализовывать идеи в виде скриптов или литературного текста – голова освобождается для новых мыслей. Это ни с чем несравнимое чувство.

А ещё мне интересен русский язык. Я понял, почему в школе ему уделяли подробное внимание. Он прекрасен!

– «27 сказок на ночь» – это ваша первая книга? Или первая из опубликованных? Или вовсе не первая – тогда расскажете о своих «детских» подробнее?

– «27 сказок на ночь» – это моя первая книга, отпечатанная в типографии серьезным издательством «Союз писателей». Это эксперимент, который я провёл с формой и жанром. Рассказов я прежде почти не писал, и браться за детские ужастики не приходилось.

«27 сказок на ночь» – это не просто сборник сказок. Ужастики создают особенную атмосферу. Представьте себе лес с чёрными-чёрными деревьями, вдоль которого крадёт тропинка к хрустальному дому. Ужастики – это деревья. В книге есть и просто сказки – это тропинки. А хрустальный дом вот-вот покажется из-за поворота. Хочется верить, что путь к нему не потеряется в чаще.

Издательство «Союз писателей» издаёт ряд литературных журналов. Мне понравилась «ЛитОгранка». В прошедшем году регулярно печатал в нём стихотворные истории. Две из них, про ведьму Ивелину и про рыбака Фарта с острова Лурика, сложились в своеобразные сериалы, где каждое стихотворение способно жить отдельно от других, но связано героями. Мне нравится писать истории.

– Теперь хотелось бы ближе к теме. Мы говорим о литературе ужасов, хотя это довольно широкое понятие. В описании книги «27 сказок на ночь» сказано, что детям до 12-ти лет читать не рекомендовано. Неужели там все так страшно?

– Мы руководствуемся законом. В сюжете сказок есть сцены, подпадающие под правило маркировки. Не каждый ребёнок в состоянии отличить описание душевного расстройства, мистические переживания, болезненные сны от реальности. Да, пожалуй, и не всякий взрослый способен на это.

У меня маленькие дети. Я читаю им сказки. Не свои, разумеется. Шесть и четыре года – впечатлительный возраст. Случалось, что внешне светлая детская сказка про фей включала исключительно страшные описания. Неожиданные. Моё отношение – лучше сразу показать, что подобное есть.

– Насколько я понимаю, целевая аудитория – подростки. Их заинтересовать довольно сложно, тем более моралью и поучениями. Выходит, страшилка может сыграть роль хорошей «завлекаловки»? А там, что говорится, под шумок, можно и научить читателя житейской мудрости...

– Целевая аудитория не только подростки, но и родители. БОЛЬШИНСТВО МОИХ СКАЗОК-СТРАШИЛОК-ДЕРЕВЬЕВ ИМЕЮТ ДНЕВНУЮ И НОЧНУЮ СТОРОНУ. НОЧНАЯ – ЭТО САМА СТРАШИЛКА. ДНЕВНАЯ – ЭТО ТОТ САМЫЙ СМЫСЛ, ШИФРОВКА, ПОСЛАНИЕ, ЧТО ПРИХОДЯТ НЕ СРАЗУ. И не каждому.

Вы правы насчёт «завлекаловки». На сказки можно взглянуть и с этой стороны. Но я не стремился «под шумок» подать полезное вместо вкусного. Но кто готов к социальной драме – получит желаемое тоже.

– Чем вам лично нравится писать ужастики? Почему не детектив, не фэнтези, а именно ужас?

– Вот не знаю. Может быть, в глубоком детстве недоставало страшилок? А может, никогда не боялся ночного леса и суеверий, потому нет страха писать о них? Кто знает причину полётов во сне, тот сразу разберётся в мотивах.

А если серьезно, то я полгода искал работу по душе, после крушения крупного предприятия, которому отдал несколько лет жизни. И сказки-ужастики представляются мне нынче позитивным выхлопом негативных метаний.

– Можете вспомнить и поделиться с нами, на чьих книгах проходило ваше становление как автора литературы ужасов? Кто из писателей оставил неизгладимый след?

– Наверно, никто из авторов. Я не читал литературу ужасов никогда. В советское время подобной развлекательной литературы в свободной продаже просто не было. Потом не до того было.

Жалею, что часто нет времени на книги и сейчас. И я работаю над собой.

Но в качестве учителей я бы назвал программы на радио России. Это рок-программы Дмитрия Добрынина о роке и

в коем случае?

– Материалы, что используются в «комнате страха» – это стекло, камень и металлы, например железо и медь, перья – в комнатах сновидений. Потерянные игрушки. Чёрные коридоры. Темнота рождает бесконечность, которая нависает и давит на маленького человека.

Ни в одной сказке-страшилке я не называл имён персонажей. «один мальчик» – может оказаться соседом по подъезду, «дворник» мести во дворе, а «учительница» ежедневно проверять домашку. Герои сказок рядом.

И ещё. Я старался не делать подробных описаний. Техническая сторона вопроса в рамках короткой сказки не важна.

В качестве личных приёмов использовал смешение оттенков персонажей, подмену. У меня страшный персонаж на деле может руководствоваться высоконравственными принципами, а внешне положительный – нарушать их. Мы все по-своему стремимся к лучшему и светлому, даже ужасные монстры. Просто шкала у всех своя.

– Может ли моральная составляющая быть подавлена составляющей страха? Скажем, сегодня редко кто задумывается о морали, идее... Главное – драйв, скачки, накаленная обстановка. Тем более сложно вложить мораль в ту книгу, которая главной целью имеет – напугать читателя.

– Мораль искажается, подавляется, высушивается не жанром, а автором. Жанр всего лишь метод, в русле которого происходит диалог читателя и писателя. Часто в этот диалог вмешивается третий – редактор, издатель, продавец, пропагандист – кто говорит писателю, что всё должно быть иначе, и статистика требует иного подхода. Не всякому автору это нравится, но немало тех, кому грамотная постановка задачи – половина решения. Моё мнение: хорошо, когда автор имеет шанс писать не только по чужим лекалам.

Все люди разные. Часто мы говорим на одном языке, вкладывая в одни слова разные понятия. Оценки прокладывают борозды, разрезают пропасти, делят на своих и чужих. Но и объединяют. Грань между добром и злом, пользой и вредом, светом и тенью неуловима. Пусть каждый найдёт то, что в силах понять. Увы, не всякий ищет.

И ещё одно. В КНИГАХ УЖАСОВ ЕСТЬ ОДНА НЕОСПОРИМАЯ ПОЛЬЗА. ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ ТЯЖЕЛО БЕЗОБРАЗНИЧАТЬ.

– Как оцениваете состояние литературы ужасов в современной литературе? Какое место она занимает и какие перспективы перед ней открыты или – закрыты?

– Ужасы произросли из сказки и, в свою очередь, породили новые жанры. Ужасы в русской литературе не так широко представлены и популяризированы, как в переводной. Это означает, что целый ряд национальных нюансов ещё не прозвучал. Например, в православных источниках ищущий откроет немало

металле, где он подробно останавливается на сказках, легендах, литературных героях и неординарных личностях, в честь которых слагают песни. «В нашу гавань заходили корабли» Эдуарда Успенского – прекрасная, яркая передача, где сюжеты песен носят народный, жизненный характер. «Аэростат» Бориса Гребенщикова, где он рассуждает на тему боли и радости – хорошая, светлая программа. «Воскресная лапша», «Судьбы книг», «Читальный зал», совместные программы радио России и Русской Православной Церкви и многие другие передачи, авторов которых я бы нынче назвал своими учителями.

– Поскольку наш журнал все-таки для писателей большей частью, то нам скорее интересно, не что, а как. Всякие приемчики, методы... Как на ваш взгляд, что самое важное в качественном ужастике?

– В СТРАШИЛКАХ – ЭТО УПРОЩЕНИЕ. Слушатель, читатель должен иметь как можно больший простор для фантазии, ассоциировать себя с персонажами, сливаться с ними в единое существо. Важен сюжет – не сразу, волнами приближающийся к развязке. Мне интересно неожиданное окончание. Но незавершённость сладка, как мёд.

Я не специалист по приёмчикам и качественной литературе. Критикам виднее, что излил писатель. Но моё мнение, что качественная литература, будь то ужастик или описание природы, преследуют цель, интересную самому писателю. Тогда и читатель не почувствует себя лишним и никчёмным. И эти двое обязательно найдут друг друга.

– Какие приемы вы используете для нагнетания страха? Есть ли какие-нибудь фирменные словечки или наоборот слова, которые нельзя употреблять ни

пугающих историй, рассказанных простым, доходчивым языком, от которого стынут жилы.

Перспектива у жанра, думаю, есть. Мысль человека работает и способна на многое. Кто теперь знает, чего нам больше бояться?

Ссылка на книгу <http://soyuz-pisatelei.ru/shop/282/desc/tararyev-vladislav-27-skazok-na-noch>
Обсуждение книги <http://soyuz-pisatelei.ru/forum/15-4427-1> ♦

ХОЗЯИН страха

Стивен КИНГ и его страшная ИСТОРИЯ

Этот человек – сама неожиданность. Всё, что он говорит, делает и о чем думает, в корне отличается от устоявшихся представлений людей из обыденности. Но именно они и есть самые настоящие герои его историй. С ними происходят ужасные вещи, порой лишаящие их жизни. Но как ни странно, пережив первый приступ сковывающего страха, я, такой же «человек из обыденности», начинаю задумываться о том, что на самом деле важно.

– Разве жанр, в котором вы работаете, предназначен не для того, чтобы нагнать как можно больше страху?

– Нет, страх – это всего лишь отличный инструмент, чтобы заставить думать.

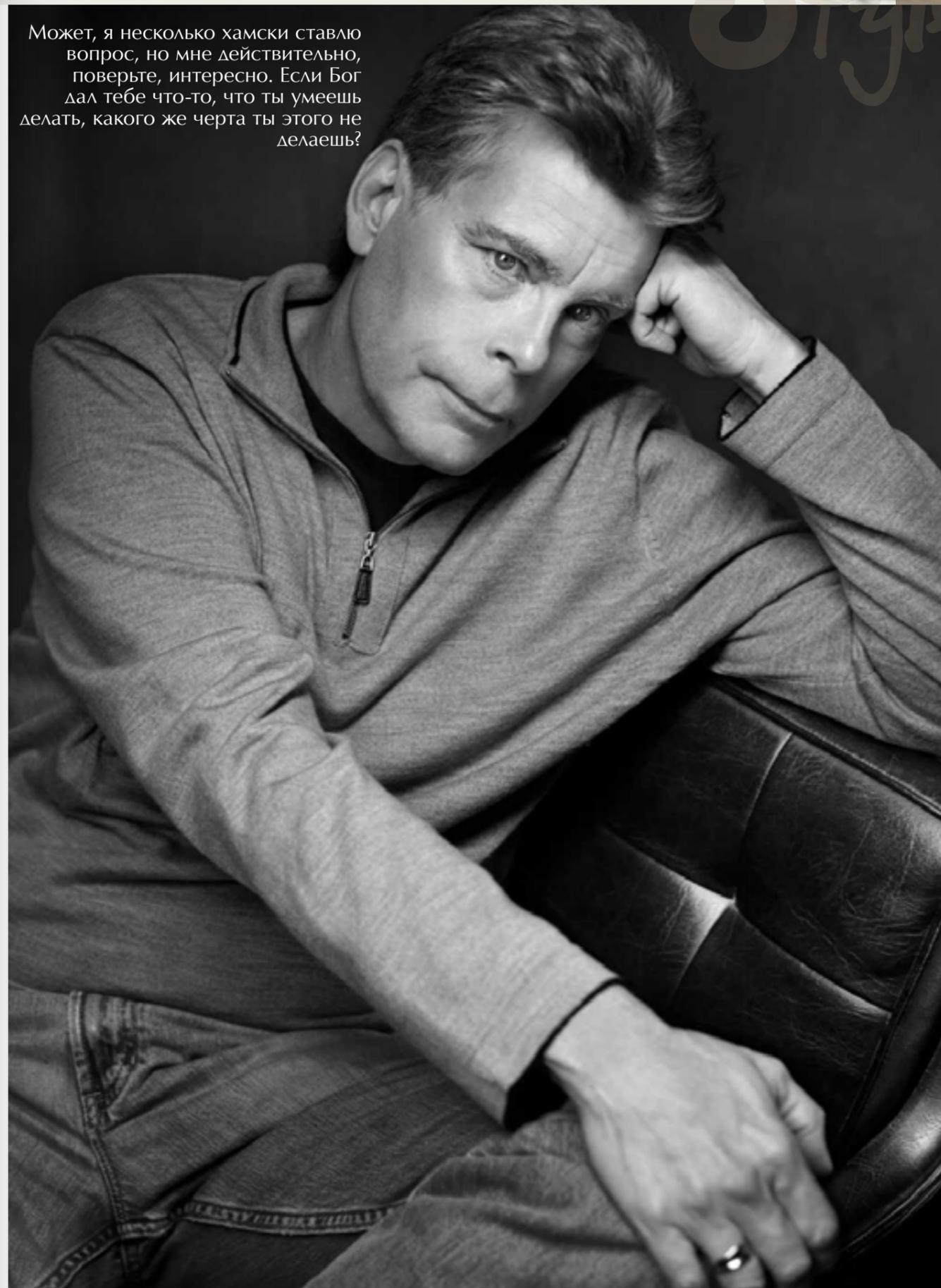
Так говорит мастер, так он пишет и именно так общается с читателем. Любая его работа, будто зловещее напоминание о том, насколько мы уязвимы, но в то же время это и некое чудо, если можно так сказать о том, что происходит на страницах кинговских книг.

Он и сам своего рода – чудо. До рождения Стивена Эдвина Кинга его мать – Нелли Рут Пилсберри Кинг – была абсолютно уверена в своей неспособности иметь детей. Для сохранения пошатнувшихся на этой почве отношений семья Спэнски (именно такой была фамилия главы семейства до того момента, пока он решил заменить ее более благозвучной – Кинг) усыновила мальчика Дэвида.

Появление Стивена 21 сентября 1947 года было сюрпризом для всех, кто был в курсе проблем семьи. Но так же как и истории, созданные мастером, вся его жизнь, начиная с рождения, приносит весьма неоднозначные результаты. Казалось бы, появление родного ребенка должно спланивать и приносить радость. Но «это жизнь, а не дешевый бульварный роман» (С. Кинг).

Еще два года, будто взяв паузу, судьба не преподносила никаких «подарков», но потом вдруг, будто опомнившись, надолго повернулась к семье своей не самой красивой стороной. В 1949-ом Дональд Эдвард Кинг, муж, отец и, по сути, единственная опора семьи просто вышел купить сигарет и больше уже не переступил порог своего дома. Долгое время ни Стивен, ни Дэвид не знали, что же стало с отцом, пока в конце девяностых, будучи уже известным писателем, младший сын наконец узнал, что отец преспокойно жил неподалеку от их старого дома тридцать с лишним лет и даже успел обзавестись четырьмя детьми. К сожалению, а быть может, и к счастью, к тому времени, как открылась вся правда о Кинге старшем, его уже десять лет не было в живых, а потому, как и в сорок девятом, все,

Может, я несколько хамски ставлю вопрос, но мне действительно, поверьте, интересно. Если Бог дал тебе что-то, что ты умеешь делать, какого же черта ты этого не делаешь?

материал подготовила Анна Безкровная

что осталось семье, – неоплаченные счета. Только теперь никакие деньги не смогли бы их покрыть.

С самого начала судьба подбрасывала Стивену сюжеты и прообразы, которые он успешно использовал в книгах и рассказах. Скитания по штатам, мать, работающая на двух работах – в прачечной и булочной, брат – неиссякаемый кладезь разнообразных проказ, болезнь престарелых родителей матери, их смерть, и наконец заведение для умственно-отсталых, где Нелли Кинг вынуждена была подрабатывать до самой смерти... И это вовсе не полный перечень того, что выпало на долю ребенка.

Воспоминания о детстве подарили миру не добрые сказки, как это бывает у некоторых писателей современности, а жестокие, злые и невероятно страшные произведения, которые, однако, мало кого оставили равнодушным. Повесть «Труп» – почти невыдуманное повествование о друге детства Крисе Челси. В рассказе «Бабуля» – в центре событий собственная семья, а прообразом рассказа «Конец всей этой мерзости» стал старший брат Дэвид. Роман «Оно» вообще, будто лоскутное одеяло, сшит из эпизодов детства и отрочества.

Свою охоту на страх Стивен начал еще в семилетнем возрасте. Отыскав ящик набитый ужасами и фантастикой на чердаке в доме тетки, где они поселились для того, чтобы ухаживать за больными стариками, он отчетливо понял, чем хочет и должен заниматься. Первым делом со своим верным идеологом и по совместительству братом Дэвидом он создает газету «Горчичник Дэйва», где печатаются местные новости, погода и все, что принято печатать в изданиях такого формата. Невзирая на качество, обеспеченное посредством мимеографа, а затем и старого ротапринта, газета вполне успешно раскупалась родственниками и соседями по цене пять центов за выпуск. Однако в своих мемуарах Стивен признается, что его работа в «Горчичнике» была технической, что не приносило ему особого интереса. Когда директор школы предложит Кингу возглавить газету «Барабан», будущий писатель согласится только от безысходности, сетуя на то, что его «преследует» журналистская карьера. И от этой же безысходности он станет спортивным репортером в «Уикли энтерпрайз».

Обуздать и подчинить страх под силу далеко не каждому. Но если уж ты решился стать на этот путь, то пришла пора совершать поступки. Стивен отлично понимал это и, будучи в выпускном классе, загорелся идеей получить материал для будущей

Художник: BUBINGJIN

Художник: BUBINGIN

книги «из первых рук», а для этого необходимо было отложить мечту об университете и оправится добровольцем во Вьетнам. Но Нелли встала грудью против такого сумасбродного решения сына. «Стивен, не будь идиотом! С твоими глазами тебя пристрелят первым, а мертвый ты уже ничего не напишешь», – кричала она взбудораженному идеей сыну.

Еще до поступления в университет, ради которого Стивен влез в долги и отправился работать на ткацкую фабрику, он наконец-то публикует свой рассказ – далеко не первый из написанных. Целых шесть тысяч слов под названием «Я был подростком, грабившим могилы» появилось в

Comics Review в 1965-ом.

Успех добавил уверенности и уже по окончании первого университетского курса Кинг завершил работу над романом «Долгая прогулка». Категорический отказ одного из издательств поубавил самоуверенности и привел к тому, что Стивен на некоторое время отказался от мысли стать писателем.

Но депрессия продлилась недолго. «Единственный способ

жить – это жить. Говорить себе: «Я могу это сделать», – даже зная, что не можешь» – фраза из книги «Дьюма-ки», которой мастер руководствовался всю свою жизнь, помогла очухаться и вновь приступить к работе. Хотя студенческую жизнь Кинга нельзя назвать самой обычной. В годы обучения он активно поддерживает антивоенное движение, и этот опыт был, по словам самого мастера, одним из самых ценнейших в жизни. Время яростных протестов и праведного негодования всецело отражено в романе «Сердца в Атлантиде».

Работа и общественная жизнь совсем не оставляли места иным увлечениям. После окончания Стивен получил место в библиотеке при университете и вернулся к творчеству. Но внезапно в его жизнь ворвалась молоденькая Табита Спрюс. Его поразили ее стихи, отношение к творчеству, и невообразимое черное платье и шелковые чулки. «Вообще, мужчина с хорошей женщиной – счастливейшее из созданий Божьих, а без оной – самое несчастное. И спасает их только одно: они не знают, чего лишены», – слова героя «Зеленой мии» и нерушимое убеждение самого писателя.

Они поженились 2 января 1971-го и по сей день счастливы. Там же в «Зеленой миле» есть такие строки: «Любовь двух развалин. Кое для кого из вас это может показаться смешным, для всех остальных – нелепым, но я вам так скажу, мой друг: нелепая любовь лучше, чем вообще никакой».

Их любовь такая же необыкновенная и настоящая, как и все, что они делают. Именно Табита поддерживала в нем дух творчества, именно она спасла его от алкоголизма и наркомании, она была первой, кто услышал про четыреста тысяч долларов за первый проданный роман.

Итак, мечты о любви

сбылись, но остались мечты о поступке. Кинг до сих пор вспоминает, как был возмущен, когда военная комиссия признала его негодным к службе. Получив очередной отказ, он оправляется искать работу, что само по себе – достаточно трудная, а порой и невыполнимая задача для молодого специалиста. Приходится вспомнить о своих генах и о том, что мать ради семьи готова была на многое. Вот и Стивен отправляется работать в прачечную, хотя и дела всей жизни не оставляет, продолжая публиковать рассказы в мужских журналах. За первых три года неунывающее семейство успевает обзавестись двумя отпрысками. Сын Джо и дочь Наоми требуют от своих родителей еще больших усилий. Теперь он громко смеется, вспоминая, как от безысходности решил написать порнографический рассказ и чуть не умер от смеха, перечитывая, как два нелепых близнеца занимаются неуклюжим сексом в купальне для птиц.

Осенью семьдесят первого Стивен получает работу преподавателя английского языка в Академии Хэмпдена и уже ясно видит свое будущее в качестве престарелого профессора, но Табита переворачивает все с ног на голову. Отыскав в мусорной корзине несколько смятых исписанных листков, она уговаривает мужа завершить работу над романом. Кинг не очень верит, что издательство может заинтересовать история о девочке-изгое с паранормальными способностями, но все же следует совету жены. Двенадцатого мая 1973 года он получает неожиданный телефонный звонок. «Девочку» – «Кэрри» – не просто приняли, а продали издательству «Сигнет букс» за четыреста тысяч долларов, а Кингу причиталась ровно половина этой суммы. Уже в 1997-ом Кинг вспоминает, как просил издателя повторить сумму несколько раз, ожидая услышать 40 тысяч, но не 400. Вспоминает и о том, как Табита после этой новости расплакалась, ведь месячная аренда их квартиры обходилась в 90 долларов, а годовой доход его как учителя еле достигал 10 тысяч.

Огромный гонорар позволил Стивену наконец оставить работу и всецело посвятить себя любимому делу. С того времени и вплоть до сегодняшних дней из-под его пера вышло пятьдесят романов, множество рассказов и даже несколько научно-популярных книг. Он один из самых продаваемых и, несомненно, самый экранизируемый автор современности.

«Я профессиональный писатель, а это значит, что все самое интересное со мной происходит в мечтах», – скажет Кинг на страницах книги «Пляска смерти».

И пусть его мечты часто кажутся нам пугающими и даже ужасными, но они достойны того, чтобы поверить в них и побороть страх ради чего-то большего, чего-то, что пытался сказать нам автор между строк.

Я снимаю шляпу перед вами, мастер, и надеюсь, что вы подарите еще много леденящих кровь историй, бессменный хозяин страха, великий и ужасный Стивен Кинг. ♦

АНГЕЛОК?

Таня Баньши-Ва

Он проехал уже восьмой двор и почти отчаялся. Второй месяц тщетных поисков, не мудрено начать нервничать и злиться по любому пустяку. Ему было все равно, что на работе с ним перестали здороваться, он погрузился в себя – порочная страсть не находила выхода. Заехав в очередную коробку безликих серых многоэтажек, Геннадий Могильный, мужчина средних лет с проступающей зальсиной в блеклых волосах, посмотрел на детскую площадку и замер. В самой середине двора, в песочнице под деревянным мухомором играла его мечта. Он сглотнул и аккуратно припарковал у бордюра «мини-вен», оформленный на несуществующего очкарика. Сердце колотило в рёбра взбесившимся носорогом, ладони вспотели.

Выйдя из машины, Геннадий внимательно осмотрелся. Никогда нельзя забывать об осторожности. Полдень – и солнце нещадно палило. Серая рубаша, надетая для неприметности, прилипла к спине, и под мышками разрастались отвратительные тёмные пятна, брюки, цвета грязного асфальта плотно облепили зад и ноги. Боясь спугнуть удачу, он почти не дышал.

Двор был мертвенно пуст, только в песочнице развлекалась девчушка лет трёх-четырёх, увлеченно лепя куличики. Могильный с трудом сглотнул вязкую слюну: таких красивых детей он видел только на картинках, изображавших херувимов, и ему всегда хотелось узнать, какие же они на вкус. Светлые волосы локонами спадали на плечики, голубое платьице с рукавами-фонариками открывало нежные пухлые ручки. Девочка сидела на корточках, и от вида беленьких трусиков с оборочками голова мужчины закружилась, в штанах стало тесно, как в автобусе в час пик, и так же неудобно.

Машинально вытерев потные руки о рубашу, он поправил бутафорские очки в толстой черепаховой оправе и медленно двинулся к песочнице, не сводя с ребёнка острого взгляда. Воображение рисовало предстоящее удовольствие, и он сунул руку в карман. Не дойдя до облезлого грибочка пары шагов, мужчина остановился. Милое создание хлопнуло красной лопаточкой по доньшк

перевёрнутого ведёрка и, подняв лазурные глазки на дядечку, улыбнулось.

– Здравствуй, ангелочек, – голос Геннадия потек парным молоком.

Девочка улыбнулась ещё шире, алые губки превратились в две тонкие ленточки.

– Ты тут одна гуляешь?

Малышка утвердительно кивнула и подняла ведёрко. На песке осталась ровная пирамидка.

Девочка высунула острый язычок, отчего на лбу у Могильного выступили крупные капли, взяла лопаточку и остервенело воткнула в творение. Он невольно поёжился.

– Солнышко, а ты любишь шеночков?

Девочка снова подняла глазки и энергично закивала головой.

– А хочешь, я тебе одного подарю?

– Хочу! – звонкий голосок разлетелся по двору.

Мужчина опасливо огляделся. Дома смотрели грязными безразличными окнами, тишина лилась из открытых форточек. Тревожная мысль агонизирующе дёрнулась и захлебнулась. Слишком долго он не удовлетворял своих желаний, слишком долго не мог найти жертву.

– Тогда нам нужно срочно за ним ехать, – Геннадий протянул руку, – ведь шеночку не терпится познакомиться с тобой, и подошло время его кормить.

Художник: Елизавета ЧАЙКИНА

Ты хочешь посмотреть, как он будет пить молочко?

– Покормить молочком, – девочка радостно захопала в ладоши, – я никогда не видела, как кушают шеночки.

– Тогда пойдём скорее и посмотрим.

Девочка ухватила Геннадия за крепкую ладонь и послушно пошла рядом, оставив ведро и совочек загорать в песочнице. Со стороны могло показаться, будто папа и дочка возвращаются домой с прогулки, но по странному стечению обстоятельств в это время никто даже не выглянул в окно.

Могильный сдерживал рвущуюся, клокочущую горной рекой радость. Он легко усадил девчужку в детское кресло, несколько лет служившее ему верой и правдой, и аккуратно застегнул ремни безопасности. Теперь ребёнок при всём желании не сможет убежать. Запрыгнув за руль, он удовлетворённо расслабился, растекаясь по потёртому сиденью. В салоне было свежо, холодный воздух, щедро подаренный кондиционером, ещё не успел нагреться. Он торопливо повернул ключ зажигания, мотор туберкулёзно кашлянул, громко всхлипнул и заурчал.

– Как тебя зовут? – скользнув взглядом по гладким коленкам, мужчина уверенно направил машину между домами.

– Алруна, – девчужка с интересом рассматривала убегающие дома. – Значит, что я могу изменять свой вид.

– Странное имя. А с кем ты живешь? – Геннадий точно знал, что стоит замолчать, и девчонка начнёт задавать ненужные вопросы, требуя ответа. Он до дрожи ненавидел хныканье и плач, ненавидел, как пауков и тараканов, как ненавидел пот и любые выделения тела.

– Я живу с тетей Лесей, – глаза ребёнка радостно заблестели. – Она добрая, позволяет мне жить в доме, спать в мягкой кровати, вкусно кормит и разрешает погулять одной без ошейника и цепи, и иногда охотиться.

– Охотиться? – спросил Могильный и тут же забыл,

притормозив на светофоре. До заброшенного склада оставалось всего минут пятнадцать и возбуждение напомнило о себе болезненным напряжением. Он застонал.

– Дяденька, у вас что-то болит?

– Нет, золотце, просто жду не дождусь, когда же мы приедем.

– К шеночку?

– К шеночку.

– Дяденька, а вы молочко купили? – с детской непосредственностью Алруна заглянула в холодные глаза.

– Купил, конечно купил, – недовольство вырвалось из пересохшего рта.

– Дяденька, вы на меня сердитесь? У вас плохой голос, как у того злого дядьки, который часто меня бил и заставлял пугать людей.

– Что ты, я совсем не сержусь на тебя, солнышко, – Могильный взял себя в руки и белозубо улыбнулся. – Мне просто очень хочется пи-пи.

– И я хочу пи-пи.

– Будем терпеть вместе, скоро уже приедем.

Свернув в переулок, машина медленно поползла по ухабистой дороге. Минут через пять за чередой стареньких деревянных домишек показались заброшенные склады, девочка с любопытством вертела головой и без умолку стрекотала.

– А что за этим большим забором, дяденька?

– Склады.

– А зачем эти склады?

– Они уже не работают.

– А раньше работали? А почему забор такой большой? А чего он такой грязный? А почему тут людей не видно? Ой, дяденька, смотри-смотри, собачка побежала.

Волна нескончаемых детских «почему» накрыла с головой, вызывая раздражение и головную боль. Мужчина стиснул зубы.

– Дяденька, а почему забор закончился? А зачем мы сюда свернули? А почему в нем такая большая дырка? А кто её такую проковырял? А чего тут так пусто?

Машина остановилась у провала в стене, мотор затих. Открывшаяся дверь дыхла зноем и разнотравьем, стрекот кузнечиков влетел в салон, разбавив напряжение. Сразу от за забораом начиналось поле. Ленивый ветерок нехотя касался травинок, которые так же лениво колыхались. Мужчина скривился и выпал в марево. Оглядевшись и убедившись, что никого вокруг нет, он направился к ерзавшей девочке. Алруна кряхтя пыталась расстегнуть ремни, высунув от усердия язычок. Геннадий откровенно ухмыльнулся, погладив гладкие коленочки, освобождая малышку из объятий кресла. Тоненькие ручонки обхватили мускулистую шею, он же только крепче прижал тельце и уткнулся носом в ключицу. Вдохнув детский запах, резко отстранился – в нос ударил гниющий смрад. Мужчина мотнул головой, отгоняя наваждение. Девочка радостно улыбалась, смотря огромными голубыми глазищами. Решив, что ему просто почудилось из-за жары, он погладил желанную

спинку, ощущая, как штаны натягиваются в области паха.

– Я писать хочу, – надув губки, Алруна уперлась ручонками в потную грудь.

– Садись прямо тут, не бойся.

Оказавшись на земле, девочка задрала платьице и, спустив трусики, присела.

Похоть хлестнула длинным языком по изголодавшемуся разуму педофила, родив ноющую пульсацию внизу живота. Рука рванулась в карман, сжав набухшую плоть. Тело жадно откликнулось на прикосновение и задергалось. Бурно хлынувшее напряжение медленно впитывалось в прокладку. Слишком долго он терпел.

Хищная улыбка на лице Алруны обнажила два ряда острых мелких зубов. Закончив свое маленькое дело, она шагнула к хрипящему Геннадию, сжав губы, взялась за потную ладонь.

– Дяденька, вам больно?

Он замычал и отрицательно замотал головой, с трудом выныривая из наслаждения.

– Тогда пойдёмте скорее кормить шеночка! Он же совсем голодный! И я тоже голодная.

Могильный с трудом двинулся к складу, где в куче мусора была спрятана бутылка с хлороформом и большой разделочный нож. Девчужка засемила рядом.

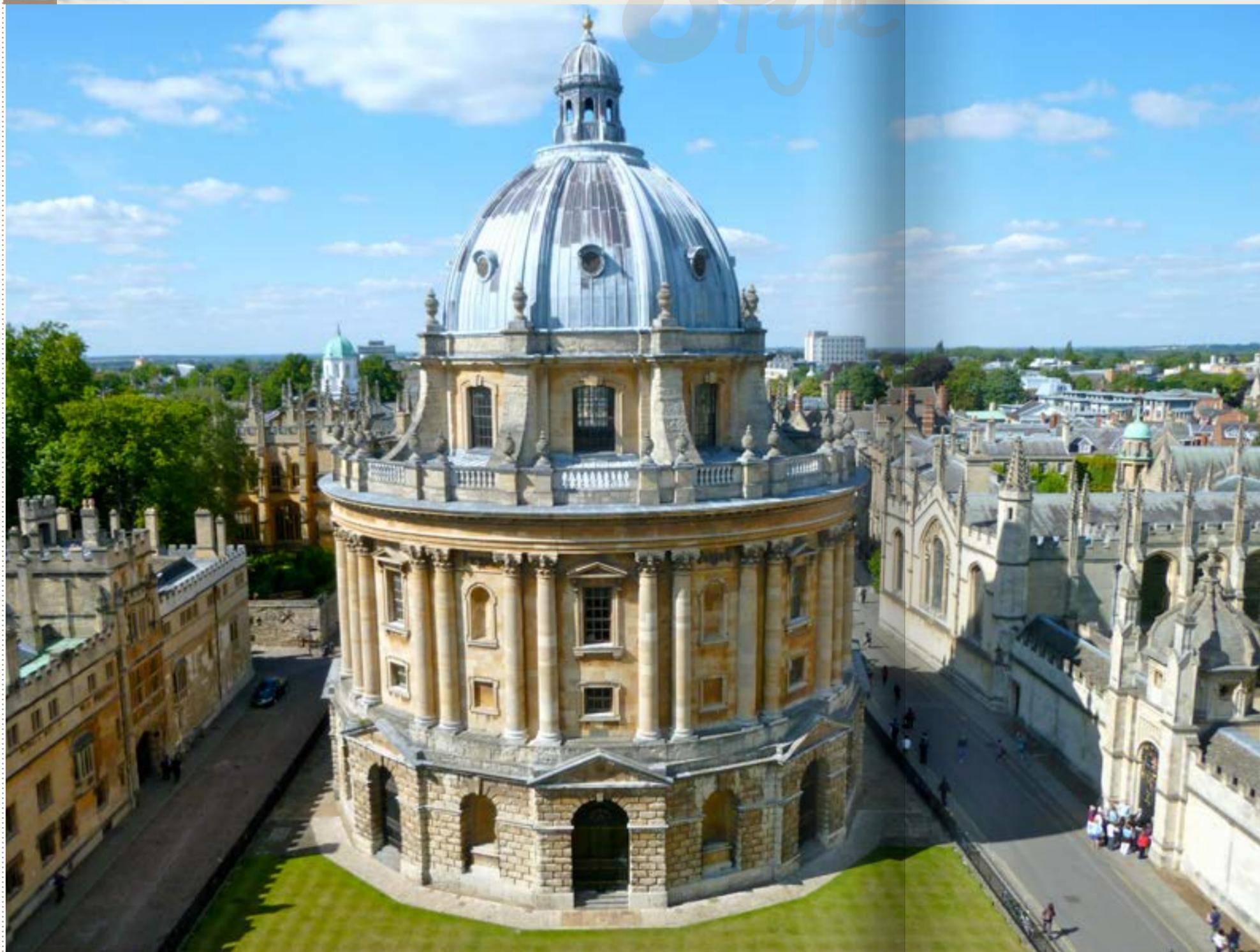
За их спинами плавилась земля. Легкий вонючий дымок от шипящего пятна жухнувшей травы, поплыл в поле, подхваченный порывом ветра, виляя хвостом из зелёных мух...

Через два дня, в криминальной хронике вышел сюжет, заставивший горожан вздохнуть с облегчением и отвращением. На заброшенных складах бомжи нашли обезображенное тело мужчины. Как выяснилось в последствии, именно он наводил ужас на маленький городок, похищая детей в возрасте от пяти до восьми лет. Он насилует своих жертв, а затем убивал их с особой жестокостью, вырезая сердце и печень. Полицейские несколько лет безуспешно пытались найти маньяка. По прозвучавшей официальной версии на мужчину напала стая бродячих голодных собак, причиной смерти стала рваная рана на шее и множественные укусы.

И только узкий круг людей в погонах знал истинную причину, которую не решились озвучить. Видавших виды криминалистов ужаснула смерть Геннадия Могильного. Почти вся кровь вытекла из тела от множества глубоких рваных ран. Половые органы были разрезаны на мелкие лоскутки и, судя по оценке экспертов, мужчина при этом был в сознании. Причиной мучительной смерти стала перекушенная пополам шея. Такое могло сделать только чудовище с очень мощными челюстями.

По оставленным следам специалисты смогли составить фоторобот монстра. Он был ростом чуть более метра, передвигался на задних лапах, имел короткую черную шерсть, длинные острые когти, больше похожие на лезвия, и огромную пасть с зубами в два ряда, количеством превышающим сотню. Дело пошло в столицу под грифом «Совершенно секретно». ♦

Сердце **ОКСФОРДА**: **Бодлианская** библиотека

Бодлианская библиотека до сих пор спорит с Ватиканской о том, кто из них старше, а с Британской – кто объемнее. Но в любом случае библиотека Оксфордского университета является самой посещаемой частью Оксфорда, и независимо от того, большая она или древняя, корешки книг протираются со скоростью несколько десятков в день.

Сами бодлианцы называют себя «высшей точкой в ландшафте международного образования». На протяжении 400 лет руководители и сотрудники библиотеки стимулировали и всячески поддерживали научную деятельность страны, а также проводили множество исследований своими силами. За это время был собран внушительный архив редких книг, рукописей. Архивов, карт, музыкальных произведений и исследовательских работ.

Находясь в центре Оксфорда, библиотека привлекает всех, практикующих в этом городе, ученых, не считая тех, кто прямо касается университетской деятельности. Не считая цифровых ресурсов, что уже является прогрессивной частью библиотеки (представьте себе цифровой каталог нестоличного города в России), здесь постоянно проводятся мастер-классы и семинары, поэтические чтения и другие культурные мероприятия, открытые для всех посетителей, предоставляется спектр «научных услуг» для студентов университета.

Бодлианская библиотека состоит из ряда отдельных зданий и предлагает читателям семь читальных залов для работы. Практически каждый год проходят строительные работы в каком-нибудь из залов, что гарантирует читателю постоянную комфортную атмосферу и уют.

Библиотека герцога Хамфри является старейшим читальным залом. Здесь хранятся карты, детская литература, монографии о театре и истории фотографии, музыкальные произведения и некоторые рукописи и редкие книги, выпущенные до 1701 года. Тут же находится и читальный

зал с архивами университета. Войти в зал можно только с карандашом – без сумок, телефонов и чего бы там ни было еще.

Читальный зал Гладстон предлагает большую свободу для работы: разнообразная мебель, сгруппированные столы и кресла для работы в группах, акустические экраны и тихие местечки для самостоятельной работы. В этом зале хранятся более новые произведения. И хоть это не читальный

зал в полном смысле слова, но это современное пространство для научного труда.

В остальных залах хранятся труды по истории, богословию, философии, археологии, истории искусства, классическая литература, средневековые и восточные рукописи.

Библиотека названа в честь Томаса Бодли – коллекционера старинных рукописей и манускриптов. Он находился на службе у королевы Елизаветы. Хотя еще до него епископ Томас до Кобэм создал

небольшое книжное хранилище при университете, где книги были прикованы цепями.

В 1410 году библиотека была передана во владение университету Оксфорда, а в 1450 благодаря герцогу Хамфри переехала в новое здание, а вернее сказать, своеобразную сеть зданий. В 1500-ых годах король Англии и Ирландии Эдуард VI распродал всё, что было накоплено библиотекой, из-за обнищания университета, а в 1602-ом Томас Бодли восстановил архивы и позаботился о новых помещениях. При нём приобретались книги с разных стран, даже Турции и Китая.

Центральная часть библиотечного комплекса – ротонда Радклифа – была построена уже в 1737-1769 годах. ♦

УЖАС, несущийся На крыльях клавиатуры или КАК напугать правильно

Среди современных книг литература ужасов занимает вовсе не малое место, но, несмотря на это, её изучению уделено совсем немного. Литературоведение как-то привыкло обходить стороной ужасник, а наши писательские познания могут пополняться только из фильмов и зарубежных источников. Но тот же Кинг не рассказывает, как именно он пишет, чтоб напугать нас до смерти. А говорение в общих чертах не дает никакой толковой пользы. Решившись на раскопку жанра ужасов, мы поставили перед собой задачу достаточно сложную, но, тем не менее, пришли к кое-каким выводам. Чем и спешим поделиться с вами.

Приятно познакомиться, – Грешник!

Итак, кто же он – главный герой нашего ужаса? Красивый блондин, у которого в жизни все складывается, или убогая старушка-злючка, которая только и мечтает, что напакостить кому-то? А ни то, ни другое. Наш герой – читатель.

Есть негласное правило всей проникновенной литературы: читатель должен отождествлять себя с героем, иначе ни сочувствия, ни сопереживания, а в определенных случаях даже простого интереса не жди. Оно и ясно. Намного серьезнее те проблемы, которые касаются личного носа, собственной нужды и родного кошелька. А филантропы хоть и существуют, но не являются нашей целевой аудиторией, так как их ну очень мало.

А чтобы читатель узнал себя в герое, нужно совсем не так много. Всего лишь среднестатистический образ с несколькими изюминками. Обычный человек, обычная работа, обычные будни. Именно когда с таким обычным начинают

происходить нереальные вещи, есть вариант вызвать беспокойство. Согласно доброму совету Фрэя, чтоб обычный человек запомнился читателю, ему нужно придать характерные черты: шрамик, полученный в школьной драке, тайный кармашек в куртке, где он прячет лезвие (дурной пример, но яркий), гадкая привычка ковырять в носу... То, что является частью обычного человека, но скрыто от глаз его окружения. Совокупность двух этих элементов гарантирует вам читательское доверие и симпатию.

Когда образ героя засел у вас в голове – не важно, запишете вы его в блокнот, или оставите вольной птицей в мозгу, – пришло время выдумать этому человеку собственный грех. С. Логинов в статье об ужасах отметил, что опасность, вызванная собственным поступком, пугает намного сильнее, чем то, что априори уготовано судьбой. Тем более, если эта опасность вызвана самым мелким из всех возможных промахов: ваш герой раздавил маленького паука на стене. Ситуация обычная, свойственная каждому, но если вы покажете, что палец, давивший паука, наслаждался содеянным...

Резюме: герой должен быть обычным человеком с какой-нибудь изюминкой и обязательно грешником!

Hello, God.

Художник: Наталья ПРУСАКОВА

Антураж мистического реализма

И жить он должен в самой обычной обстановке. Если поместить персонажа (назовем его Майклом) в реалии иного мира, где нормальным считается гном, потрошавший эльфа, или где сплошь и рядом чудеса, то все происходящее с героем будет частью обстановки, а значит – не пугает. Орки и вампиры давно уже не страшны, тем более после С. Майер. А вот человек, во взгляде которого главный герой замечает нечто пугающее, – совсем наоборот.

Помните? Самые страшные демоны живут у нас под кроватью и прячутся за дверью. Или еще лучше, «висят» на бельеовой веревке за окном – особенно в полночь. Иногда приходится уговаривать свое сознание, мол, это просто черная футболка, которую я сам и повесил на дверь вечером! А вздохи вовсе не чужие: это мои и только мои!

Именно по этой причине наилучшим антуражем для ужастика будет современный мир, реалии, знакомые каждому человеку. Эдакий мистический реализм, доставшийся нам от Гоголя. Но, опять-таки по Логину, эта грань тоже тонка: не стоит описывать бытовуху во всех ее проявлениях, потому что рискуете получить бытовой роман. Достаточно общих черт, которые вызовут фантазию вашего читателя и досоздадут картинку сами. И даже не будем говорить о том, сколько вы выиграете, если не придется описывать каждую мелочь!

Художник: HellterSkelter

МИСТИЧЕСКИМ РЕАЛИЗМОМ МНОГИЕ НАЗЫВАЮТ СВОЕОБРАЗНОЕ СОСТОЯНИЕ «ДВОЕМИРИЯ» ГЛАВНОГО ГЕРОЯ. КАК ОТМЕТИЛ ГЕССЕ, У ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА СУЩЕСТВУЕТ ОДНО ЛИШНЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ. НО ДАЖЕ НЕ ВДАВАЯСЬ В РАСКОПКИ ТЕРМИНОВ, МОЖНО ЗАКЛЮЧИТЬ, ЧТО УКАЗАННОЕ «ДВОЕМИРИЕ» МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ ТОЛЬКО В СОСТОЯНИИ ГЕРОЯ, НО И В ОБЩЕЙ АТМОСФЕРЕ (И МИРОУСТРОЙСТВЕ) ПРОИЗВЕДЕНИЯ. МИСТИКА – ЭТО НЕЧТО ПОТУСТОРОННЕЕ, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ СВЯЗАННОЕ С ФАНТОДОПУЩЕНИЕМ В АВТОРСКОМ ЗАМЫСЛЕ. РЕАЛИЗМ – МЕТОД, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ РЕАЛЬНУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, НЕ ПРИУКРАШАВАЯ ЕЁ (РОМАНТИЗМ), НЕ ПОГРУЖАЯ ЧИТАТЕЛЯ В ПРЕИЗБЫТОК ЧУВСТВ (СЕНТИМЕНТАЛИЗМ), НЕ ЗАХЛАМЛЯЯ ТЕКСТ СМЫСЛОВЫМИ ОБРАЗАМИ (СИМВОЛИЗМ). ГРАНЬ, НА КОТОРОЙ БАЛАНСИРУЕТ АВТОР, ИСПОЛЬЗУЯ ДВА ЭЛЕМЕНТА, ПО ПРАВУ МОЖЕТ НАЗЫВАТЬСЯ МИСТИЧЕСКИМ РЕАЛИЗМОМ. ЭТОТ ИМЕННО ТОТ СЛУЧАЙ, КОГДА В ЖИЗНЬ ОФИСНОГО ПЛАНКТОНА ВРЫВАЕТСЯ ПРИВИДЕНИЕ, КОГДА ШКОЛЬНИЦА НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ, А ПО ГОРОДУ ПОЛЗУТ СЛУХИ О ТАИНСТВЕННОМ УБИЙЦЕ. В КОНЦЕ КОНЦОВ УБИЙЦА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ОБЫЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, А ПРИВИДЕНИЕ – ГАЛЛЮЦИНАЦИЕЙ.

У меня к вам несколько вопросов...

Стивен Кинг советует начать с ситуации. Он – противник всяческого детального планирования – считает, что стоит писателю поставить своего героя в определенную курьезную ситуацию, как тут же появится идея о том, что и как писать. Например, что сделает Майкл, увидев в руке у своего коллеги-клерка окровавленный нож? Что, если кровь принадлежит не человеку? А кому тогда?.. Или более глобальная ситуация: что если у входа в город стоит существо, так похожее на человека, но с черными глазницами и окровавленным ртом? Ваша формула – «ЧТО ЕСЛИ».

Когда наступает такой момент – чего-то страшного в обычной обстановке – Майкл начнет задаваться вопросом (читатель начнет задаваться вопросом): что происходит? Что задумал мой коллега? Почему моё тело дрожит? А что, если он меня заметил? Вероятно, он убьет и меня? Почему я не могу успокоиться?..

Пожалуй, самое сложное – это как раз создать вопрос. Все производится на чистых ощущениях, читатель должен почувствовать, что под кроватью кто-то есть. Кто-то страшный, но кто? Там, вероятно, самый ужасный ужас. Но как он выглядит? Почему он именно под моей кроватью?

– Ага! А не надо было давить паука! – скажете вы и продолжите издеваться над Майклом.

Стивен Кинг в своей работе «Как писать книги» отметил, что за всю жизнь написал только два произведения, предварительно спланировав сюжет. По его мнению, если даже автор не знает, чем закончится книга, читатель точно никогда об этом не догадается.

Художник: HellterSkelter

Художник: HellterSkelter

Истерика

А у Майкла тем временем развивается истерика... Он рвет на себе волосы, закатывает глаза, дрожит и потеет. Пот – воняет, волосы – липкие, в голове шумит, будто угрюмый барабанщик без усталости бьет по тарелке. Суть истерики состоит в том, чтобы показать ее реально: запахами, звуками, прикосновениями. Пусть герой переживает весь спектр чувств, кроме (для начала) зрительного контакта. И тогда читатель точно попадет на нужную удочку.

Важное замечание истерической части ужасика: наложите табу на слова где-то, как-то, ужасный, вдруг, чрезвычайно, внезапно, невероятно... Все сильные слова следует выкинуть в мусорку или, как минимум, использовать их где-нибудь в другом месте. А еще с большей тщательностью нужно искоренить слово какой-то. И применить на его месте относительные прилагательные (отвечают на тот самый вопрос «какой?»). Вместо «какой-то звук» – скрипучий, назойливый, едкий; вместо «какой-то вкус» – горький, сладкий, приторный. И так далее. Не стоит говорить, что ужас, сидящий под кроватью, ужасный. Нужно дать это понять, почувствовать, увидеть.

Закрепленные учёными ФОБИИ помогут идее

Аблютофобия – боязнь купания, стирки или чистки
 Агирофобия – боязнь улиц, пересекать улицу
 Агорафобия – боязнь пространства, открытых мест, площадей, толп людей, рынков
 Аграфобия – боязнь сексуальных домогательств
 Айдуорофобия – боязнь кошек
 Айхмофобия – боязнь острых предметов
 Акрофобия – боязнь высоты
 Акустикофобия – боязнь громких звуков
 Алгофобия – боязнь боли
 Амаксифобия – навязчивый страх перед поездкой или уже в процессе вождения колесного транспорта
 Андрофобия – боязнь мужчин
 Антофобия – боязнь цветов
 Антропифобия – боязнь людей или компании людей, форма социальной фобии
 Апифобия – боязнь пчёл, ос; частный случай зоофобии
 Арахнофобия – боязнь пауков; частный случай зоофобии
 Аутофобия – боязнь одиночества
 Аэрофобия – боязнь полётов
 Верминофобия – боязнь бактерий, микробов, заразиться
 Гаптофобия – боязнь прикосновения окружающих людей
 Гексакосийгексеконтагексафобия – страх числа 666
 Гелотофобия – страх оказаться объектом юмора, насмешек
 Гемофобия – боязнь крови
 Геронтофобия – страх или ненависть к пожилым людям или собственному старению
 Герпетифобия – боязнь рептилий, пресмыкающихся, змей; частный случай зоофобии
 Гетерофобия – боязнь противоположного пола
 Гефирофобия – боязнь мостов
 Гидрозофобия – боязнь вспотеть
 Гидрофобия – боязнь воды, сырости, жидкостей
 Глоссофобия – боязнь публичного выступления
 Гравидофобия – боязнь встречи с беременной, беременности
 Демофобия – боязнь скопления людей, толпы
 Дентофобия – боязнь стоматологов, лечения зубов
 Дисморфофобия – боязнь собственной внешности
 Зоофобия – боязнь животных
 Инсектофобия – боязнь насекомых
 Канцерофобия – боязнь заболеть раком, злокачественной опухолью
 Кинофобия – боязнь собак
 Клаустрофобия – боязнь замкнутого пространства
 Климакофобия – боязнь ходьбы по лестнице, лестниц
 Копрофобия – боязнь фекалий
 Липофобия – боязнь жирной пищи
 Логофобия – фобия говорить публично или с незнакомыми людьми
 Мизофобия – боязнь заразиться инфекционным заболеванием, грязи, прикосновения к окружающим предметам
 Мирмекофобия – боязнь муравьев; частный случай зоофобии
 Некрофобия – боязнь трупов и похоронных принадлежностей
 Параскаведекатриафобия – боязнь пятницы 13-го
 Парурез – боязнь мочеиспускания на людях
 Радиофобия – боязнь радиации
 Сколецифобия – боязнь червей, заразных насекомых; частный случай зоофобии
 Социофобия – боязнь общества, контактов, оценки окружающими
 Тафофобия – боязнь быть погребенным заживо, похорон
 Тетрафобия – боязнь числа 4
 Технофобия – боязнь техники
 Токофобия – страх перед родами
 Трискайдекафобия – боязнь числа 13
 Фобофобия – боязнь фобий (страхов), появления симптомов страха, боязнь испытать испуг
 Эйсоптрофобия – боязнь собственного отражения в зеркале
 Эртофобия – боязнь секса или вопросов о сексе
 Эфебифобия – боязнь подростков
 Ятрофобия – боязнь врача

Собираем пазл

Привычное нам слово триллер происходит от английского thrill – волнение, тревожное ожидание, трепет, дрожь, увлекательность... Совсем не от страшного чего-то, а именно от волнительного. То есть тот момент, когда вы ждете любимого человека после долгой разлуки, а внизу живота вытанцовывают хомьяки, это thrill. Ваша задача – вызвать хомьяков в животе читателя. Есть еще модное слово саспенс (suspense), которое в оригинальной английской версии означает ожидание, неизвестность и беспокойство.

Вот эти две вещи должны соседствовать одна с другой на протяжении всей истерики Майкла и, разумеется, истерики читателя. Как этого добиться, мы уже немножко поняли, а еще немножко помогут несколько следующих правил:

1. Никогда не говорите сразу, кто, что и почему. Страшнее всего то, чего мы не знаем, что от нас скрыто. Это чистейшая психология, ведь страх – это реакция на опасность. Если нам страшно, мы хотим защитить себя. Но если не знаем, от чего защищаться, начинается истерика и волнительный поиск путей спасения.

2. Всегда давайте вашему персонажу время подумать над тем, кто может прятаться за дверью, но не перегибая палку (!), ведь эта грань очень тонкая. Пусть он думает от силы два-три предложения, но не целый абзац внушительных размеров.

3. Все мысли персонажа должны вращаться вокруг себя любимого. Потому что в реальной жизни эгоистичность человека, именуемая инстинктом самосохранения, всегда всплывает наружу, стоит показаться какой-нибудь опасности.

4. Всегда используйте реальные слова, реальные образы и описания. Карминовые пятна крови не пугают. А вот липкая жижа, стекающая по шее, как минимум вызовет отвращение.

5. Никогда не отнимайте у персонажа надежду, даже в самой безысходной ситуации. Чувство триллера не придет, если читатель будет знать: для Майкла всё решено, ему не выпутаться. Наоборот, если есть свет в конце тоннеля, читатель сможет еще поболеть за жертву.

6. Никогда не предупреждайте читателя. Все намеки на то, что сейчас произойдет, оставьте до того момента, пока оно произойдет. Не подготавливайте к восприятию чего-то страшного.

Покажи мне язык

Казалось бы, если стилистика писателем усвоена, то и говорить не о чем. Но здесь тоже есть свои закорючки.

В описании страшных сцен не должно быть тропов. Все сравнения заменяются прямыми и точными словами, витиеватые красивые фразы вообще не рассматриваются как материал для ужасика. Пока читатель будет наслаждаться красотой языка, он наверняка потеряет чувство ужаса, нагнетаемое вами с самого первого абзаца.

Не стоит также употреблять заменители слов. Речь, конечно, может коснуться и матерного словаря, но мы говорим только о тех случаях, когда вместо слова кровь все время звучит «липкая жижа», а вместо дерьма – фекалии. Ужас – до безобразия плотской жанр. Не стоит, конечно, скатываться до трэша, когда вокруг только кишки и эти самые фекалии, но важно помнить: тело окровавленной женщины не может быть красивым (ни для кого, кроме маньяка, впрочем).

Поговорим о целях

Всем известно, что самое главное отличие ужасика от остальных жанров в страхе. А потому самая первая цель – напугать. Есть среди писателей ужасов несколько распространенных ошибок, которые не позволяют сделать это в полной мере. Для наглядности обратимся к «стрелочкам». Идеальным считается вариант постепенного нагнетания страха. Но постоянно находиться в страхе читатель не может, и однажды наступает состояние «антиистерии», когда даже нечто очень страшное не вызывает чувств. Внимание рассеивается, и как автор ни старайся – всё мимо. В данном контексте стоит оговориться, что лучшая форма литературы ужаса – короткий рассказ. Автору не нужно долго изгаляться над сценами, расставляя их в соответствующем порядке страшности, а читатель все равно напугается.

Порядок нагнетания страха может быть двух видов: рис. 1 для короткой прозы, рис. 2 для более объемных текстов. Причины, кажется, ясны. Давать толчки страха в крупной прозе необходимо, потому что только так вы поддержите интерес читателя и не опустите свой ужас до бытового романа. Но здесь следует быть уверенным в том, что следующий испуг будет сильнее. А вот на рис. 3 и 4 показано, как можно наскучить читателю, если напугать сильнее, чем в этот раз, не получится.

Говоря о короткой прозе, ошибкой будет испугать читателя в самом начале, надеясь таким образом привлечь его внимание, но не дать этого в кульминации. Не зря литературоведы на протяжении многих веков повторяют, что кульминация – это пик произведения. И именно она должна быть самой-самой – в нашем случае пугающей.

Кстати сказать, ужасы читают не только ради испуга; это было бы странно. Читатель позволяет себе выпустить пар, выбросить адреналин, стимулировать нервную систему – подсознательно, разумеется, но так и есть. И когда он вам говорит «я читаю ужас ради страха», это значит, что он читает его ради кайфа.

Но только ли кайф читателя нам важен?

Как ни странно, литература ужасов может быть еще более морализаторской, чем даже философские увещательные трактаты о смысле жизни. Потому что тут автор не просто имеет возможность показать, ЧТО может произойти, если раздавить паучка, а показать это наиболее доходчиво, в красках и чувствах. Глупо было бы терять такой шанс, не так ли?

Рис. 1

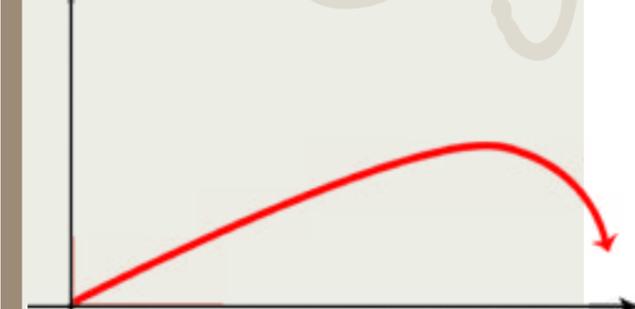

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Художник: Елена ПОЛИКАРПОВА

КАК НАПИСАТЬ ТАК, ЧТОБ БЫЛО ГАДКО?

Представьте тарелку горячего супа. Вы такой уже ели, много раз. Это ваш любимый суп. Вы берете хлеб, солите по вкусу и приступаете к трапезе. Трепешете и наслаждаетесь обожаемым составом из сытного бульона, овощей и мяса.

Но, вдруг, вкус постепенно меняется. Что-то не то. Вы продолжаете, но тут появляется и странный запах. Это уже не тот суп, который вы любите. Черпаете ложкой по дну, поднимаете и видите на ней странную жижу, принимаетесь и понимаете, что это чьи-то фекалии. Кто положил их в ваш суп и, не размешав, поставил на стол.

В литературе так же. Только сюжет с ярким контрастом сделает рассказ вкусным.

(А. Лункрай)

От начала до конца

И напоследок поговорим о самом начале и самом конце, которые создают так называемую обвязку текста. Эти элементы не похожи друг на друга. Но интересно то, что именно указанные две части повествования задают 80% удачи произведения. И это касается не только литературы ужасов.

Важно завлечь читателя с самого начала, важно оставить в его душе след в самом конце. Завлекать нужно активным действием, оставлять след серьёзным испугом. Помните ту самую ошибку? Завязка не должна пугать. Исключение составляет только завязка того произведения, где дальше будет еще страшнее (но тут мы снова вспоминаем про «антиистеричку»). Концовка наоборот – должна пугать.

Варианты же концовки самые разные: хотите – используйте happy end, хотите – трагедию. Некоторые ретивые советчики предлагают использовать незаконченный сюжет. Например, Майкл побеждает своего коллегу-потрошителя в (смертельной) схватке, коллега (и Майкл) умирает, но вдруг в самом конце потрошитель открывает глаза прямо в гробу... Страшно? Ну да, вероятно. Но это такой дикий штампище! И использовать подобный поворот стоит только в том случае, если он реально обоснован и незаменим.

На наш взгляд наилучшим вариантом завершения ужасика является открытая концовка, или концовка с вопросом. После самого страшного испуга в своей жизни читатель может еще и задуматься о поднятой вами проблеме – вот это высший пилотаж! Самый распространенный для этого прием – риторический вопрос. А как с ним справляться, уж решайте сами.

Художник: HeltterSkelter

Итого

МЫ ПОБОРОЛИ ТЕМУ. ОНА СТРАШНА И УЖАСНА, НО МЫ ПРОШЛИ ЕЕ ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА. РАЗУМЕЕТСЯ, МНОГО ЧЕГО ПРОПУСТИЛИ, МНОГОЕ ВЫ И ТАК ЗНАЛИ ДО НАС. НО ФАКТ ОСТАЕТСЯ ФАКТОМ: МОДНЫЕ УЖАСТИКИ ПИСАТЬ СЛОЖНО, НО КРУТО! ЕСЛИ ПОЛУЧИТСЯ, ПРИСЫЛАЙТЕ РУКОПИСЬ В РЕДАКЦИЮ – РАДИ ТАКОГО ТРУДА МЫ ВЫПУСТИМ ЕЩЕ ОДИН НОМЕР ПРО УЖАС, ЛЕТАЮЩИЙ НА КРЫЛЬЯХ КЛАВИАТУРЫ. ♦

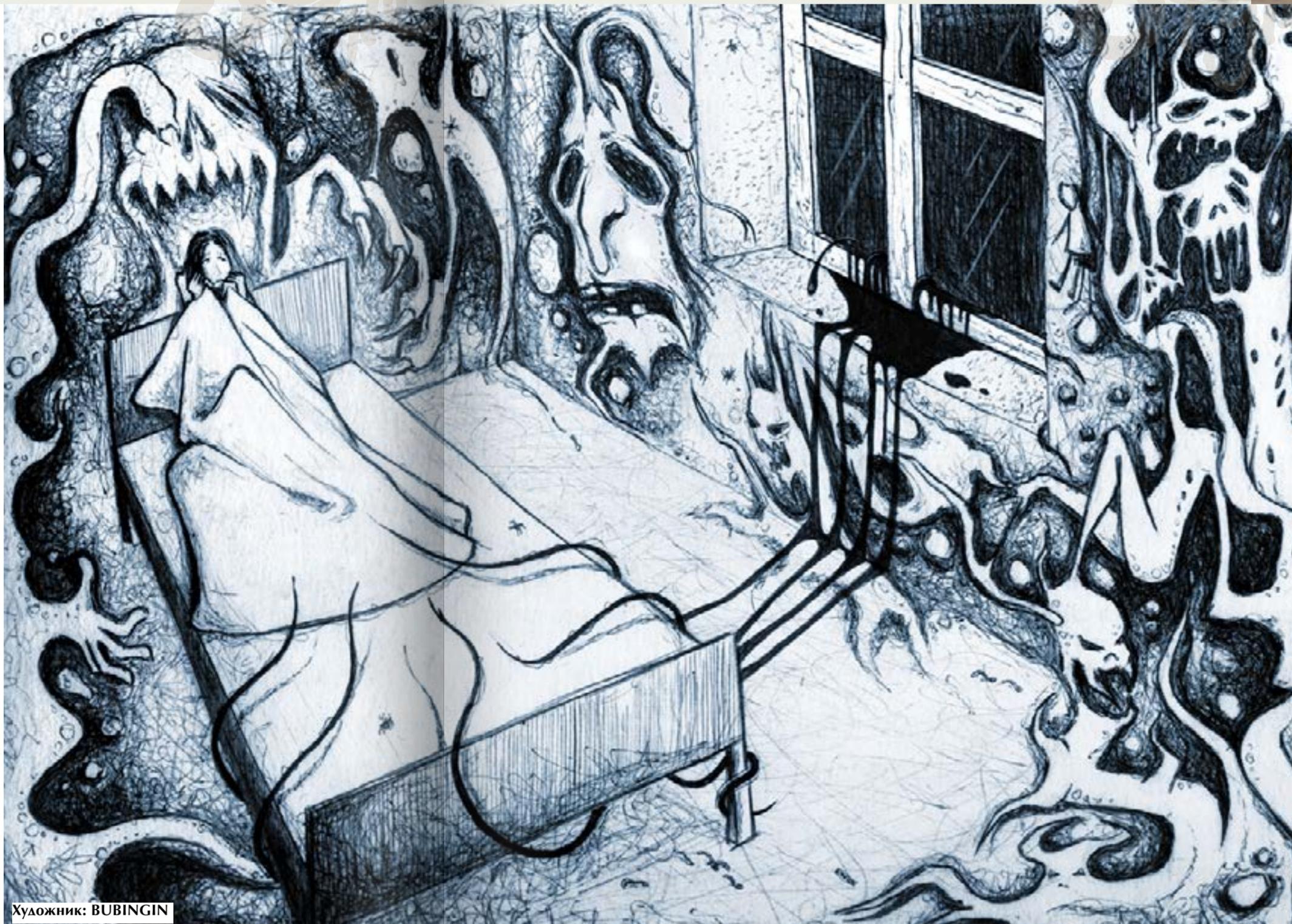
ДРУГОЕ

Алексей Шинкеев

Это Другое является силой вне вселенной, моши за пределами любой другой моши, автором всего, что есть.
Стивен Кинг, «Оно»

Если говорить о моем отце, то я всегда вспоминаю его сидящим на маленькой табуретке у печки с сигаретой в руках. Он не курил двадцать семь лет с тех пор, как вернулся из армии, но после той злопамятной ночи, когда мне исполнилось семнадцать лет, пагубная привычка вернулась к нему вновь; она затянула его без остатка вместе с теми кошмарами, с которыми не справиться ни одному человеческому разуму. В полной мере те события и явились причиной того, что папа взял в руки пачку сигарет, чтобы никогда больше не расставаться с ними. Эта жуть до сих пор живет во мне в полных воспоминаниях. Ведь именно той лунной ночью, двенадцать лет назад, Другое накинulo на него свою тень, в которой он, как в силках, пребывал до самой кончины... Забрав отца в глубины ада, оно неистово преследует меня. Ведь тогда испуганной девочке удалось преодолеть свой страх, бросившись на отчаянную борьбу с самой преисподней, спасая две терзаемые души. И теперь оно, алкая, следит за мной: жестокая месть сомнению не подлежит. Адская тварь больше не собирается проигрывать. Каждую ночь за окном я слышу отвратительный шорох его мерзких крыльев, и черная тень мелькает на фоне звездного неба.

... Говорят, если в семье появится хоть один молитвенник, то он способен вымолить из ада предков вплоть до седьмого колена... Я себя таковой не считаю! Но всею душой стремлюсь хоть к малой доли духовного подвига. Чуть более года я живу за стенами женского монастыря – послушницей, к монашеству пока не стремясь. Не зря Господь, осыпав скорбями, по длинной дороге вел меня сюда,

Художник: BUBINGIN

ведь, подозревая в каком ужасном месте находится мой папа, не будь я здесь, следом загремела бы в зловонную яму. Теперь появилась надежда – надежда на спасение – вырвать из цепких лап страдающую душу, сгубившую себя. Привычкой, черный саван которой не раз прикасался и к моей тени. Все это, а также страх перед неизведанным прочно удерживают меня в святой обители. Лишь злобное нечто бесится, не в силах прорваться сквозь ангельский барьер, но

более того взывает в ярости, боясь потерять приобретенное. Очередная моя молитва об упокоении способствует этому...

Сегодня три года минуло со смерти папы. Память перематывает события до тех мест, где мелькает отец, и это самые яркие воспоминания. Близки ли мы были? Скорее всего, нет. В последнее время мы виделись с ним не более одного-двух раз в год.

Родители развелись до моего рождения, но иногда вновь съезжались. Мое появление в семье оказалось случайным. И даже первые дни моего рождения были категорически против того, чтобы я продолжала жить. Только у Бога на меня были свои планы!

После восьмимесячного возраста до четырех лет я вообще не знала мужчину, благодаря которому появилась на свет. Только в глубине детского подсознания четко запечатлелось, что мой папа – это

человек с усами. А как слезы застилали глаза, когда подружка покидала детский сад на плечах большого незнакомого дяди, которого она называла своим папой. Мне тоже хотелось так! Но дни пролетали, и я каждый раз возвращалась домой с бабушкой за руку. А маму мне часто приходилось ставить в неловкость, когда на улице я кидалась ко многим усатым мужчинам и, вцепившись в ноги, запомнив, как это делают другие дети, кричала: «Папа!» Иной раз маме было стыдно со мною гулять.

И то утро, когда вернулся настоящий папа, восторженные воспоминания ребенка сохранили до сего дня...

Разбудил меня осторожный стук в окно. Помню, как открыла глаза, и меня ослепил пробивающийся сквозь шторы солнечный свет. Мама выглянула в окошко. Просыпаться было так легко и весело, я улыбнулась и что-то спросила, сладко шурясь от света, а мама ответила фразой, которой мне никогда не забыть: «Юля, папа пришел». Тотчас в дверном проеме показалась любопытствующее лицо бабушки с вопрошающим взглядом, на который мама ей ответила так же, как мне, только вместо слова «папа» вставила фамилию и пошла открывать дверь.

Как ни странно, но папу я узнала сразу, как он вошел в комнату. Знакомым оказались не только усы, но и каждая черточка лица, которое мне доводилось видеть лишь в возрасте нескольких месяцев. Только тогда я выпрыгнула из кровати и в детской пижаме кинулась к нему на руки – к настоящему, собственному папе. Как же крепко обнял он меня, поцеловал, а усы жесткой щеткой укололи мою щеку, но мне это отчего-то даже понравилось. Расставания словно и не было: папа уходил на пару часов и вот – вернулся. Все мои игрушки были высыпаны на ковер, и я не находила покоя, пока каждая из них не побывала в папиных руках с предварительной историей. Тут были и куклы, спасенные от злых колдунов, и мишки, вырванные из лап свирепых динозавров, и даже маленький камешек, упавший к нам из космоса. Тысячи тысяч эмоций – и одна краше другой.

Такова и была моя первая встреча с отцом. В дальнейшем мы виделись чаще. И история каждой встречи могла бы вместиться в новую жизнь. Но я еще не разобралась со старой, поэтому из детских воспоминаний, хоть и более поздних, я бы хотела упомянуть следующую – с неким оттенком прощания...

Мне уже исполнилось десять лет. Жили мы теперь на новой квартире. А папа на выходные или на каникулы приезжал за мной, и мы после долгих прогулок по парку и незабываемых

визитов в детские магазины приезжали к нему домой, где с распростертыми руками и доброй улыбкой меня встречала другая бабушка. А ведь когда-то я даже и представить не могла, что в у меня есть две бабушки (только, к сожалению, ни одного дедушки – судьба сложилась так, что оба они умерли еще до моего рождения). Именно же в тот день, о котором идет речь сейчас, мы забрели в книжный магазин, в котором папа пообещал купить любую понравившуюся мне книгу. Мой выбор пал, благодаря увлечениям кинотрилогией, на романы о приключениях Индианы Джонса. И, когда мы приехали домой (к нему), целый день я носилась с той книжкой из комнаты в комнату: то хвастаясь перед бабушкой, то крутя ею перед носом кошки, но никогда не выпуская из рук. На следующее утро похолодало... И приехала мама, привезла мне кофту, а когда она собиралась уезжать, мне отчего-то самой приспичило ехать вместе с ней обратно домой. До сих пор я не уверена, чем эта разительная перемена могла быть вызвана. Может, захотелось всем друзьям и подругам показать папин подарок – на обложке небритый Харрисон Форд с длинным мачете в правой руке. Не знаю. Только вышло так, что от отца мне и нужна была только эта книга, а не его внимание. Но уже через пару дней перед моим лицом стоял опечаленный папин взгляд, просящий меня остаться, когда я, ни на секунду не прекращая, вертела в руках предательскую книгу... Через шестнадцать лет я также крепко сжимала ее в своих ладонях, когда возвратилась с похорон. Только тогда исчезла уже насыщенность выдуманных приключений, осталась лишь одна печаль о вечном приключении, из которого нет возврата, но мне все равно необходимо было вернуть оттуда своего родителя... Представилась бы мне новая возможность, и я не вернулась бы домой с мамой тогда. А слезы из глаз только медленно стекали по гладкой обложке книги, на которой Индиана Джонс словно брел под дождем.

...Подростковый возраст не дает покоя ни самому ребенку, ни окружающим его людям. Но основные проблемы моего взросления мало кому будут интересны. Дома происходили постоянные ссоры, истерики и слезы. В общем, какое-то время я решила пожить у отца. Бабушка к тому времени уже умерла, и с тех пор он жил один в трех комнатах частного дома. С моим появлением и ему нескудно стало, и хозяйка в доме появилась, пусть и неважная. Целыми днями он пропадал на работе, а я лишь в праздности убивала время и по дому иной раз пыталась хлопотать.

...Семнадцатый день рождения наступил в понедельник. Еще незабытый воскресный день утром плавно перекатил в рабочую неделю. Я проснулась дома одна. Ни шороха. Все замерло, словно в едином застывшем кадре. Только слабое тиканье часов свидетельствовало, что время еще не остановилось. «Тик-так, тик-так», – отсчитывали секунды. Больше ни единого звука. «Тик-так, тик-так», – единственное подтверждение жизни в уютной тишине. «Тик-

так», – было моим первым поздравлением с семнадцатилетием.

На душе оказалось невыносимо грустно. Кошки скреблись с особой яростью. Никогда прежде не приходилось мне оставаться в свой день рождения абсолютно одной. Я заплакала: ведь где-то там мама вспоминает обо мне, а я нагрубила и убежала из дома; какой же я была дурой, только гордость не позволяла мне в полной мере признаться в этом. Ведь в прежние годы, помню, стоило лишь открыть глаза, а все уже суетятся, поздравляют, дарят подарки. Но не сегодня... Выглянула в окно: весенний день весь прогрет, но для меня в нем не было места. Нечестно! В такие моменты мне всегда хотелось писать стихи.

Пророк пообещал тоску и грусть,
И мне не избежать его пророчества!
Сегодня я пока держусь,
Но в душу лезет одиночество.

Дальнейшие воспоминания об этом дне до ночи могут оказаться лишними, а от некоторых поступков память рада была бы отречься. Ведь именинница все же не остается забытой. Ближе к вечеру появляется подруга, а потом – компания запоздалых, но весьма хмельных знакомых. И семнадцатилетняя девушка не помнит, как наступает закат дня рождения... Когда возвращается с работы отец и видит бардак, в честь моего праздника он меня не ругает, а стоило бы задать хорошей взбучки. День рождения на исходе. Разбегается молодежь. В комнаты заползают сумерки. Виновница торжества ложиться спать с чувством тошноты и легкого головокружения. Праздник завершен!

Таким образом, одиночество за несколько часов переросло в хмельную пляску подростковой детворы. Впервые я предалась тогда бесовскому наваждению и почувствовала Другое дыхание на своей щеке – не то, которым меня в прежние времена обдувал весенний ветер...

Проснулась я глубокой ночью от неприятного скрежета по ставням. Этому звуку только первую минуту я не придала никакого значения. Лишь потом меня осенило! За окном моей спальни в отцовском доме росла большая рябина, ветви ее размашисто нависали над крышей, на уровне окна проходил лишь гладкий ствол. Следовательно, звук, который сперва я приняла за скрежет ветвей, принадлежал иному источнику.

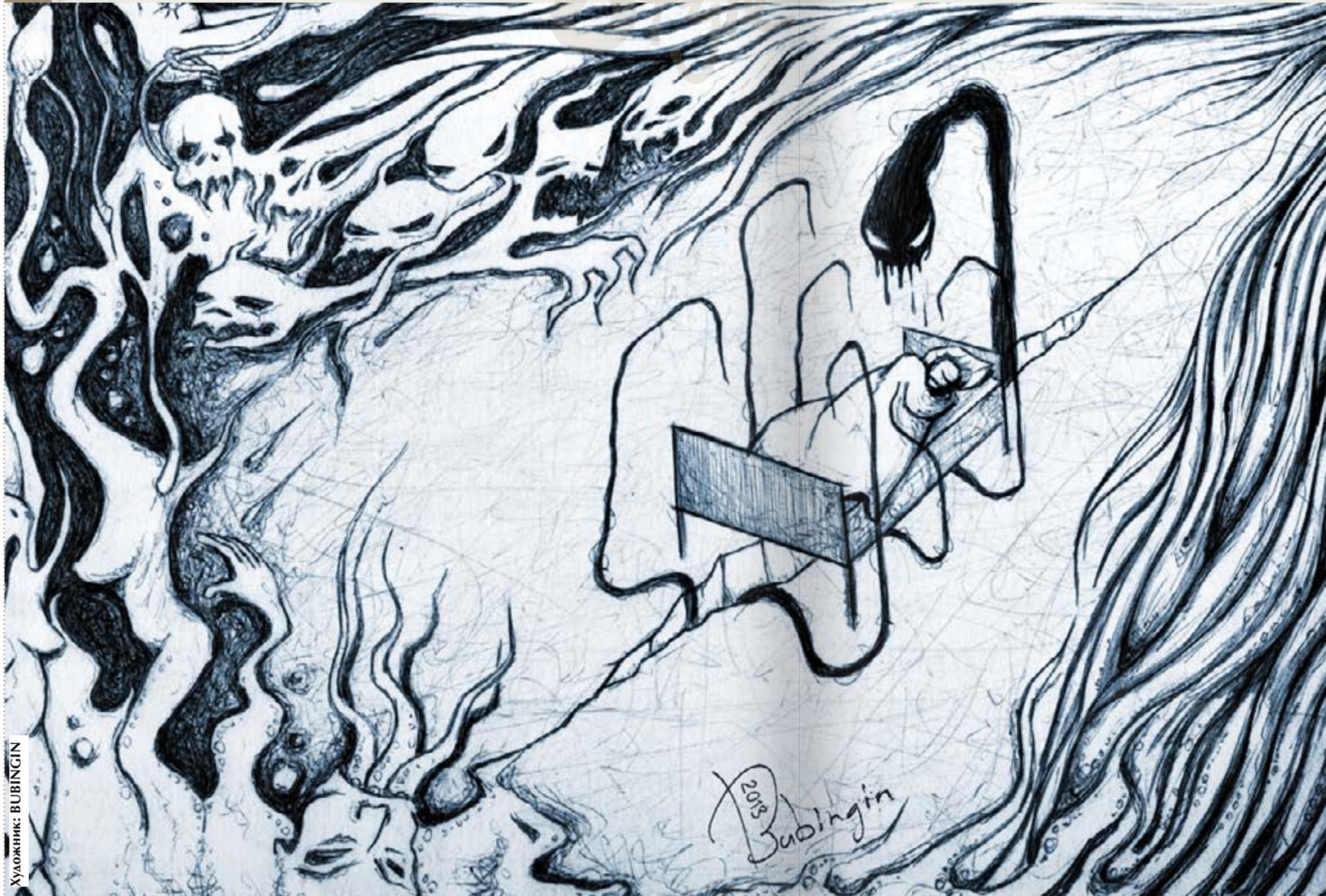
Послышался еще более омерзительный поскреб, и ставни с обратной стороны затряслись. По телу пробежали мурашки. Голова раскалывалась на части. Таинственный

шорох за окном повторился, но более настойчиво, словно кто-то огромный, карабкаясь, пытался проникнуть вовнутрь и царапал, царапал когтистыми лапами по доскам. Мне вспомнилась жуткая сказка о Буке, которую в детстве читал для меня отец. Пятилетнему ребенку она казалась самой страшной историей, которую пришлось услышать. В ней беспощадное чудовище утаскивало непослушных детей в своем огромном мешке и в лесу разрывало на кусочки, хотя последняя часть, возможно, для пушего устрашения была выдумана самим папой. Но тогда я с ужасом засыпала, не отрывая глаз от окон, на которых единственной моей защитой и утешением были деревянные ставни. Только эта иллюзия моей безопасности вскоре разрушилась, когда папа напомнил мне, что закрываются они со стороны улицы; и ничто теперь не могло помешать Буке, раскрыв ставни и разбив окно, забраться в комнату и похитить невинно спящего ребенка, вырвать меня из плена теплого одеяла и завязать в сером мешке. Я боялась открыть глаза, а вокруг меня окажется только черный лес... Той ночью ожили все детские страхи. Но несколько часов назад я уже перестала быть ребенком и верить в детские сказки. И следующий стук в ставни так сотряс стены дома, заставив усомниться в существовании чудовища из детства, – сквозь пелену ночи в дом прорывалось что-то Другое...

Сквозь щель в ставнях проникал лунный свет. Через тонкое отверстие луна не просматривалась полностью, только я неким подсознанием видела зависший в небе полный ярко-желтый диск. Именно такую луну любят часто изображать в фильмах ужасов. Хотелось и мне тогда просто смотреть кино. Что-то опять стукнуло и зашелестело за окном. Неужели этому не будет конца? Тень замаячила в расщелине, мешая лунному свету беспрепятственно литься в комнату. Я не могла шелохнуться от страха, но взгляд мой целенаправленно устремлялся в узкий просвет, в котором начала проясняться сюрреалистическая фигура некоего существа. В тот момент я и убедилась в существовании Другого (никак не Буки с большим мешком через плечо) монстра, отчаянно жаждущего моей Слабости...

Я не мучилась кошмарами раньше, но тогда мне казалось все настолько нереальным, что абсолютно не верилось в действительность происходящего. Щель между ставен была узка, чтобы полностью разглядеть существо, настойчиво требующее приглашение в гости. Но взгляд мой вновь вырвался за пределы комнаты, и в своем подсознании я увидела этого монстра, по подобию гигантской летучей мыши, вцепившейся когтистыми лапами в ветви рябины. У него были перепончатые крылья, которыми оно шелестело, а маленькие передние лапки неустанно скребли по стенам и ставням. Я видела длинные клыки в вампирском оскале и красные глаза, с выразительным вниманием изучающие меня. От понимания: оно видит меня! – стало жутко. Его

Художник: VUBINGIN

ненасытная алчность во взгляде прожигало мое тело насквозь. Мне было жарко, я находилась в аду.

И только благодаря некой сверхъестественной силе оно не могло своими усилиями распахнуть ставни и требовало от меня покорности, как вампир, не смеющий переступить порог дома без приглашения хозяина, но я не была настолько глупа, чтоб идти на поводу злобной сущности, и возблагодарила Господа –

может, в первый раз со всей искренностью – за непрочные, но все же несокрушимые для твари дощечки.

Насколько мне помнилось, ставни в этой комнате не открывались еще со времен

бабушки, когда там находилась ее спальня. Задняя сторона дома всегда была сумрачна, оттого необходимости в открытом окошке не было (солнечный свет у окна никогда не задерживался). И это и являлось причиной, думала я, закрытых ставен. Лишь после той ночи сама собой напрашивалась иная причина. Ставни, видимо, обладали силой, способной не впустить ужасное нечто в дом, и только через это окно оно имело возможность проникнуть

внутри, так как остальные ежедневно открывались утром и закрывались на ночь. И бабушка знала это. Ведь, скорее всего, она и заключила молитвенную мощь, не впускающую тварь из преисподней. Я об этом не имела понятия, но мой пораженный страхом разум еще способен был о чем-то размышлять и догадываться. Но именно, благодаря неизвестным деяниям бабушки, что-то являлось неприступной твердью для существа, тянущего ко мне когтистые лапы.

Через несколько минут я услышала, как в соседней комнате беспокойно зашевелился спящий отец, а тени с улицы стали медленно втягиваться в спальню и проливаться на пол, как маленькие капли дождя. А потом, взметнувшись, в сумасшедшей пляске засуетились по стенам и потолку. Отец жалобно застонал, словно его что-то угнетало. Я отчетливо слышала, как он заметался в кровати, а тени лихорадочно скакали по обоям. Они удлинялись и сокращались, неистово ныряя в соседнюю комнату и выныривая оттуда более черными и плотными. Низшие дьявольские силы отчего-то беспрепятственно просачивались сквозь шель, когда сам их хозяин не имел возможности проникновения в дом, чтобы дотянуться до его обитателей своими костлявыми пальцами. Тварь лишь в ненависти колотила крыльями по стволу и ветвям рябины, превращая прекрасное дерево в рваный кустарник.

Заскрипели половицы. Я уловила звуки маленьких шлепающих по полу ножек. Невидимые чертики приближались к моей кровати, но от ужаса, сковавшего меня, я не могла ничего предпринять. Вся постель пропиталась потом. А отец уже не просто поскуливал: он рыдал как самый настоящий

младенец. И вот – раздался оглушительный, полный боли крик, когда я наконец-то собрала остатки мужества, скинув с себя одеяло, под которым чувствовала себя в ненадежной, но все же крепости, разваливающейся по камешкам после каждого папиного стога. В отчаянии рванулась, чтобы встать, но тут же что-то ловко запрыгнуло на кровать и уселось у меня на груди, сковывая движения. Маленькое, но тяжелое, как самосвал, исчадие принялось сдавливать грудь. Воздуха после каждого выдоха становилось все меньше. Я задыхалась, но не могла сделать не единого вдоха. Хотела кричать, только из горла выходил лишь слабый хрип. Пыталась вскочить, приподняться хоть на локте, но тело не подчинялось мне больше, словно невидимая анаконда стянула меня своими смертоносными кольцами, и я не в силах была освободиться от ее «любовных» объятий. Последние остатки разума покидали меня, находясь в ловушке стигейских сил. Я продолжала быть парализованной, не могла дышать, но не это меня в тот момент беспокоило больше всего. В ушах пусть и приглушенно уже, как сквозь толщу воды, стоял скорбный крик папы. С ним творилось что-то более ужасное, чем со мной, я лишь оказалась нежелательной свидетельницей проделок темных властей. Меня скрутили, как жалкую куклу, не позволяя вмешаться в дьявольский замысел.

А циклопическая летучая мышь на улице колотилась в адском экстазе, и от ее ударов сотрясался весь дом.

От очередного папиного стога, я чувствовала, как тварь становилась сильней, а ставни на окнах менее прочными. В ближайшее время они готовы были слететь с шатких петель.

Я не имела больше собственных сил, и пришлось уповать лишь на Господа. Но не умела молиться, не знала не одной молитвы, о чем в тот миг со скорбью пришлось пожалеть. Только неведомая сила вдохнула в меня еще немного прыти на противостояние аду. Мысли прояснились, и слова простой, но неизвестной мне тогда молитвы складно вырвались из моих уст: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!» Гораздо позже я узнала, что это воззвание к Богу помогло побороть беса, пытающего душить меня, святым величием Иисусовой молитвы.

Я произносила ее вновь и вновь. Тогда бесовская хватка начала слабеть. Через минуту я снова могла вдохнуть полной грудью, через две – пошевелить руками. Биение сердца перешло в обычный ритм. Сидящий на мне в злобной агонии немощной тенью заметался по постели, соскользнул на пол, зафыркал

и рассыпался прахом на коврике для ног. Я опять оказалась полноправным властелином собственного тела. На мгновение мне стало тепло от победы над ничтожным обитателем Стикса, но последующий душераздирающий крик отца обдал меня новым потоком холода. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!» – повторила я и сквозь расщелину в ставнях и увидела страх в глазах самого ада, потому что теперь он чувствовал силу, приобретенную мной через Господа.

Вскочив с кровати, я включила в комнате свет. За окном существо завизжало от вспышки, резанувшей его по красным глазам. Я вбежала на кухню и повторила действие со светом там. Потом и в папиной комнате. Целая стая смрадных теней рассеялась по углам, соскользнув с отцовской кровати. Вся постель его была измята, а самого трясло как в тропической лихорадке. Действия мои становились автоматическими. Я перекрестила кровать и мысленно повторяла слова молитвы. Остатки нечеловеческого состояния папы враз улетучились, а с улицы донесся отчаянный вой злобной твари. И тогда я в очередной раз возблагодарила Бога, только лишь за то, что мне не суждено было увидеть гримасу поражения преисподней, иначе и без того сокрушенный разум не выдержал бы безумного наваждения. В следующее мгновение по всему дому прокатилась волна. На кухне на пол попадали чашки, разбиваясь вдребезги, полопались на шкафах стекла; с полок рухнули книги, а ворвавшийся сквозняк, не дочитывая, перелистывал страницы. Вся обстановка в комнатах уже не годилась для устойчивости, и сама я опрокинулась назад, больно ударившись головой об стену. Когда же я поднялась, весь гул прекратился и, в очередной раз взглянув на папу, увидела, как он умиротворенно спал в измятой постели, словно спокойный малыш. Он не проснулся даже после грохота и треска, лишь перевернулся на другой бок и сладко засопел, утопая в чудном сновидении. В тот раз с помощью Божьей мне удалось его спасти, а через несколько лет меня не было рядом...

Как добралась до своей кровати – не помню. Только проснулась уже в ней, когда солнце поднималось в синеве будничного неба. Отец на работу не вышел. Тогда я и уловила новый запах, синеватой пеленой ворвавшийся в мою спальню, и он мне отнюдь не понравился. Я высунула нос через занавески на кухню: он сидел у печки на маленькой табуретке и жадно затягивался сигаретой без фильтра.

– Доброе утро... – произнесла я, хотя уже начинался день и, наверняка, не добрый после ночного кошмара.

– Доброе утро, – ответил он, обернувшись. За одну ночь он постарел на несколько лет.

Вид его был усталым, словно он пятнадцать раундов провел с профессиональным боксером, хотя ни один боец, даже вымышленный, не стоил той борьбы, которую мы выиграли накануне. Только он ничего не помнит о прошлой ночи. Лишь какая-то

часть в его подсознании подломилась, коль он, не курил двадцать семь лет, вспомнил о былой никотиновой зависимости именно в тот день, когда зловонное дыхание алчного монстра наполнило смрадом геенского перегара весь наш дом.

После того инцидента в отцовском доме я прожила недолго. Приезжала к нему редко: от силы пару раз в год. И иногда мне приходилось встречать его в таком виде, когда смутные подозрения мои оправдывались: тревожные ночи продолжались. Я заходила в дом, а он все так же сидел у печки с сигаретой во рту, словно все это время и не вынимал ее. Под глазами образовались синяки, волосы и усы заметно побелели, а руки с желтыми от никотина пальцами непрерывно дрожали. Но ставни в бабушкиной спальне пока еще были закрыты...

Как-то 23 февраля я приехала поздравить его (в последний раз) с праздником защитника Отечества. Приготовила роскошный ужин, от души накормив папу. Приятным, но тяжелым отпечатком лег на моей памяти тот день. Он был искренне благодарен мне, но иногда его взгляд беспокойно блуждал по стенам и, останавливаясь на мне, будто видел в первый раз. Через некоторое время приходил в себя и называл меня по имени. Только в глазах его больше не было жизни – одна лишь пугающая пустота. От нее дрожь пробегала по всему телу, и, как это не было прискорбно, мне хотелось скорее покинуть его, уйти, чтобы больше не возвращаться, соприкасаясь с холодным дном его безжизненного взора. Так я и поступила, оставив его наедине со своим преследователем – в тот раз для него навсегда...

Не прошло и двух недель, когда я услышала словно голосом своего же отца леденящую сердце весть: «Папка умер!» Отчего-то мне казалась, что эту страшную фразу произнес он сам. Жутко было внимать голосу человека, который сам объявляет о собственной смерти.

Приехала я в наполненный ужасными воспоминаниями дом. Тело находилось в морге. Первым свидетелем смерти оказался его младший брат, мой дядя. На кухне сидели и остальные родственники, обсуждая случившееся, словно делились впечатлениями об очередной серии никчемного сериала. Мне стало противно.

«Инсульт», – утверждали все единогласно. Но я-то знала, в чем была настоящая причина его гибели. Долгих размышлений на это не требовалось. Стоило лишь взглянуть на окно, как все встало на свои места. Ставни были раскрыты! И, скрипя, болтались на проржавевших петлях...

«Папка умер!» – звучал в моих ушах до боли знакомый голос, который я слышу и до сей поры.

Похороны состоялись на следующий день. Но только заглянула я в гроб, мне захотелось в истерике закричать: «Это не мой папа! Вы мне солгали. Он жив! Жив!» Ведь тело, представшее перед моими глазами, принадлежало семидесятилетнему старику, далеко непохожему на моего отца. Но самое непостижимое – верхняя губа его была гладко выбрита. Усов не было! Усов, которые всегда в моей голове с детских времен являлись необходимым атрибутом родителя. В этот момент казалось, что хоронили чужого мне, постороннего человека. И, если я и знала, что это все-таки не так, категорически отказывалась верить в происходящее. Все же истина была налицо: в темные глубины ада попал именно мой отец, только совсем уже не тот, который однажды, летним утром, постучал в окошко спальни нашего старого дома. Тогда он казался для меня лишь случайным странником, заглянувший в стигейскую Бездну через сорванные ставни. А истинную, изначальную, сущность родителя мне предстояло еще долго искать для начала в самой себе, а потом уже за проклятыми стенами, за перепончатыми крыльями, где и меня поджидало Другое...

Вот уже несколько лет, как по ночам я слышу неугомонный шелест крыльев. Оно всерьез занялось мною теперь и кипит бесовским гневом, вспоминая о своем поражении, и не собираясь проигрывать вновь, не собираясь упустить то, что уже принадлежит ему.

В особенно тяжелые минуты мне хочется предать себя Забвению, чтобы оставить в небытии пережитый кошмар, но в таком случае, – это равносильно поражению (могло быть лишь обратной стороной того мрака, что на протяжении нескольких лет преследует меня – другим именем бесконечного множества), на которое оно рассчитывает. Я способна справиться с этим – с Божьей помощью способна!

Когда полная луна заглядывает в окно моей кельи, и тени беспорядочно мелькают по кирпичным стенам, я не дремлю. Пальцы мои медленно перебирают четки, которые в моих руках начинают становиться грозным оружием для дьявольских созданий. С молитвой на устах, я набираюсь решимости и отваги, как истинная воительница Христова, чтобы столкнуться в решающей битве за свою и отцовскую душу с Потусторонним.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!» ♦

Мастерство писателя ужасов

и другие ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ темы

Чтобы долго не ходить вокруг да около, не выискивать заметки зарубежных писателей (а мы все знаем, что там ужас намного более развит, чем у нас) и не возводить из всего этого концепцию, мы решили поступить проще: собрать людей, которые хоть как-нибудь уважают литературу ужасов, и задать им самые главные вопросы: что пугает и как этого достичь. А кроме того, поговорили о лучших книгах, лучших экранизациях этих книг и о будущем жанра horror в нашей – русской – культуре.

Алексей ШИНКЕЕВ

Анна БЕЗКРОВНАЯ

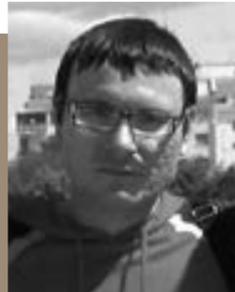
Владислав ЕФРЕМОВ

Кирилл РУСОВ

Адалин ДОГМАР

Сергей ДЕГТЯРЕВ

Антон САЖЕНЦЕВ

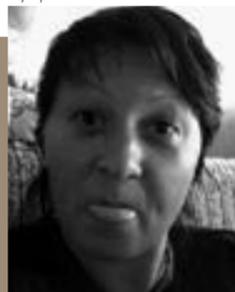
Полина ПЕРЕВЕРЗЕВА

Александр ЛУНКРАЙ

Ольга ВАЛЕНТЕЕВА

Таня БАНЬШИ-ВА

Александр МЕЦГЕР

Анна СУМАРОКОВА

Александр ТЭМЛЕЙН

Елена БАБИЧ

Списки прочитанных книг ужасов можно продолжать до бесконечности. Но есть особенные, которые, прочитав один раз, читатель вспоминает еще многие месяцы, а порой и годы. Какие это книги в вашем случае? Что вас привлекло в них больше всего? Какие эмоции вы переживали при прочтении? Захотелось ли после прочитанного продолжить знакомиться с автором?

ВЛАДИСЛАВ ЕФРЕМОВ:

Честно говоря, жанром ужасов в литературе я не увлекаюсь. В прочитанных мною книгах он никогда не был основным. Лишь некоторые эпизоды к нему относились. Да и те в памяти не отложились. Хотя зачин на фанатство был серьезный. В детстве дома лежало произведение Лавкрафта. Среди остальных книг в родительском шкафу оно серьезно выделялось обложкой: на одной стороне – женщина в обтягивающей одежде с огромной псиной на поводке, на другой – страшное чудовище, всегда пугавшее в том возрасте. Возможно, когда-нибудь я бы открыл эту книгу, если бы... не Гарри Поттер. Мне подарили сразу три книги про него, и всё остальное надолго забылось. Потом Лавкрафт потерялся при переезде, и я забыл о нём окончательно.

Сейчас читаю «Оно» Стивена Кинга и как-то... не страшно.

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА:

А меня раньше не привлекали книги ужасов. Решающую роль сыграл заказ в сетевом книжном магазине. Эту книгу помню и сейчас: Стивен Кинг, «Мобильник». Решили с подругой просто прочитать для «расширения кругозора», но за этой книгой последовали и другие его книги. Меня очень тяжело заставить читать без остановки, но «Мобильник» я прочитала за три дня.

Главное, что привлекло – интрига, непредсказуемость. Не могла отложить книгу в сторону – очень хотелось узнать, что будет дальше. Кстати, если говорить о книге, которая напугала больше всего, то это Кинговское «Кладбище домашних животных». Я с этим изданием даже в одной комнате в темное время суток не оставалась! Наверное, потому, что там присутствует Зло – необъяснимое и непобедимое.

ПОЛИНА ПЕРЕВЕРЗЕВА:

Был период, я тоже зачитывалась Кингом. Не выдержала. Уж слишком страшно. Но в душе остался «Туман», хоть он и не такой страшный. Но напряжение и неизвестность заставляли ладошки вспотеть. Настолько остро переживалась ситуация с реакцией толпы на страх! На мой взгляд именно психологическое напряжение и переживания – самое страшное.

АННА СУМАРОКОВА:

На самом деле я не очень люблю ужасы, но Кинга прочитала почти всего. Подсела. А купила первую книжку уже и не помню почему. Вроде бы кто-то

посоветовал. «Библиотечный полицейский» – это было первым, что я прочитала из ужасов. Помню, мне даже в светлой комнате было страшно.

АНТОН САЖЕНЦЕВ:

Да, Стивен Кинг. Сколько бы ни говорили плохого о нём, нельзя отрицать, что он талантливый, один из самых популярных писателей в мире, с плодами фантазии которого сталкивался буквально каждый второй.

Помню первое знакомство с его творчеством. Это случилось года два назад зимним вечером в библиотеке; в мои руках был сборник «Сердца в Атлантиде», и после повести «Низкие люди в жёлтых плащах» я вдруг полюбил книги, а больше всего именно книги «дяди Стива». Реализм и мистика в тандеме – вот чем запомнился его творчество. Потом купил «Безнадёгу», читая которую, правда, зевал, но после «титров» остался доволен. Это, конечно, хуже истории Бобби «Низкие люди в жёлтых плащах», потому что я прожил вместе с этим пацаном... боролся вместе с хулиганами, видел его сны, целовался с девочкой на колесе обозрения, наблюдал за его жизнью, как призрак, стоящий за спиной...

А потом я прочитал «Жребий», особо не надеясь, что роман про вампиров может меня сильно заинтересовать. Теперь считаю «Жребий» одним из самых страшных произведений Кинга.

Я почти не читал раньше книг, а «дядя Стив» косвенно привил мне интерес к литературе.

Самым атмосферными романами у Кинга считаю «Жребий», «Лангольеры» и «Мизери». Последняя – триллер, но страшно, шокирующе. А когда Энни, эта дьяволица во плоти, радостная с шампанским бежит в комнату к Полу, а там... не хочется всё рассказывать, а то вам ещё читать ведь эту книгу. Скажу лишь, что местами сидел над ней с открытым ртом, честное слово.

Я читал, читаю и буду читать произведения Кинга, потому что в них нет сиропа, написано про обычных людей, которые, тем не менее, колоритные персонажи, и потому что эти люди попадают в экстремальные ситуации и всегда интересно узнать, куда же автор «пихнёт» героев в этот раз.

АДАЛИН ДОГМАР:

Однозначно лидером в списке ужасов для меня является Кинг «Оно». Я сначала еще маленькая совсем была, увидела этот фильм, и он запомнился мне на всю жизнь. Именно благодаря фильму я и

Стивен Кинг признан королем ужаса на Западе, и самым пугающим писателем у нас

полюбила ужасы, так как только они могли вызывать такие сильные эмоции. Клоунов, между прочим, до сих пор на дух не переношу. Книгу я прочла намного позже, и впечатления уже были совсем другими, все стало далеко не таким страшным и ужасным, как виделось в детстве. Пожалуй, здесь сильно сказались пресыщенность этими самыми ужасами, и теперь такого разбалованного читателя как я уже сложно чем-то испугать, но я все равно отчаянно продолжаю искать того самого страха в литературе, который ощутила благодаря «Оно».

СЕРГЕЙ ДЕГТЯРЁВ:

Я тоже за Кинга. В пятом классе стал его читать. Из его произведений самое большое впечатление произвел цикл «Тёмная башня», считаю его самым сильным творением как Кинга, так и жанра на стыке тёмного фэнтези и ужаса вообще.

До Кинга читал Р. И. Говарда и Г. Лавкрафта. Оба – мастера психологического ужаса.

На счет того, что привлекло – все просто: книга не должна пугать, она должна шекотать нервы, если во время её прочтения ты очень хорошо видишь картину. А у Кинга нет страха в том понимании, мол, о, сейчас чудовище вылезет, и я побегуууу... Он пишет психологически, это не треш и не Лавкрафт, который пытается залезть под корку мозга и там покопаться.

А еще Эдгар По. Отменные рассказы у него, просто сейчас читаются тяжело из-за старинности. Он же писал чисто в стиле классиков того времени, вернее, он сам уже классик.

АНТОН САЖЕНЦЕВ:

Готический стиль Эдгара По не по мне, хотя кое-что нравится, например, «Убийство на улице Морг» и «Вильям Вильсон».

АННА БЕЗКРОВНАЯ:

По – мастер жути. Кстати не смотря на век, в котором он творил, многие его вещи меня пугают по сей день. Он мастер нагнетать обстановку и создавать действительно завораживающую мистическую атмосферу.

АЛЕКСАНДР МЕЦГЕР:

Первый ужас я посмотрел в детстве

Художник: HellterSkelter

– фильм Гоголя «Вий». Ночью бежал домой как ошпаренный с кинотеатра. Намного позже прочитал «Графа Дракулу». Читал в пустом двухэтажном доме, совершенно один. Каждый шорох бросал в дрожь. Когда появились видеоманитроны, посмотрел «Зловещие мертвецы». Раньше свободно ходил в любое время ночи через кладбище. После просмотра этого фильма, перестал.

Сам пытался писать ужастики, но у меня всё равно получается скорее чёрный юмор.

АННА БЕЗКРОВНАЯ:

Мне у Гоголя понравилась «Страшная месть». Вначале прочла «Вия», но он вдохновил меня совсем не как ужастик. А потом мама сказала, хочешь настоящий ужас? Прочти «Страшную месть». Вот где, я вам скажу, ужас был действительно. По ночам со светом спать стала, плюс психологизм там дикий, конечно. Да и вообще тема проклятий и продажи души для меня актуальна и страшна по сей день.

Ну а вторым из моего списка жути стоит Стокер и Его Влад Цепеш. Ни одна книга о кровососах позже не вызвала такого страха.

Меня не пугают всякие там монстры, пугает психологизм – так, что даже мороз по коже. А ещё я боюсь детей и животных, потому что от них меньше всего ожидаешь подвоха.

ПОЛИНА ПЕРЕВЕРЗЕВА:

Да, потому что к ним испытываешь жалость, даже если они оказываются ужасными монстрами. Я вообще тему детей остро воспринимаю. Боюсь и такие книги стараюсь вообще не читать.

АННА СУМАРОКОВА:

Я вот никак в толк не могу взять, что такого в Стокере? Я вот пыталась читать и... Ну тягостооотинааа. Вообще не врубаюсь, что там страшного. Или раньше читать нужно было, пока не была испорчена экшеном?

АННА БЕЗКРОВНАЯ:

Сейчас мы больше любим динамику, а Стокер пишет вдумчиво, но и пугает качественно. Там

много размышлений, много историчности и описаний, но это чистейшая готика, причём одна из немногих, что не вызывает милую улыбку, а действительно нагоняет ужас.

АЛЕКСАНДР ТЭМЛЕЙН:

Меня больше всего из прочитанного вообще напугал Роберт Говард. Тот самый отец Конана-варвара. После него я читал и Лавкрафта, и Кинга, но в плане хоррора меня постигло разочарование. Вообще Говард мастер нагнетания ужаса, конечно. Есть у него маленький рассказик такой, официально на русский не переводился, энтузиасты перевели. Там вообще никакой мистики. Человек сидит у гроба, ждёт, пока придут и заберут гроб. Один сидит, в часовне. Ну и усыпает нечаянно. Просыпается – темнотиша! И ему становится страшно: он пятится назад, чтобы выйти из церкви, и натывается на что-то холодное и липкое – умирает от разрыва сердца. А утром оказалось, что он нашупал повешенные на дверную ручку медицинские перчатки. Никакой мистики, вампиров, Дракул и т.п. Но ЖУТКО, реально ЖУТКО читать этот рассказ.

ТАНЯ БАНЬШИ-ВА:

Сильно меня зацепил Кинг и книга «Оно», это было более 20-ти лет назад. Помню, читала в ночь и боялась выключать свет. Он, конечно, умеет нагнетать, этого не отнимешь. А еще до сих пор помню ужастик Дина Кунца «Дом». Именно из-за этой книги начала читать Кунца. Сюжет болезненный, связанный с необычными монстрами и сексуальным удовлетворением. Весь ужас для меня был в том, что женщины готовы были убивать за то, чтобы оставаться с этими чудовищами. Этакая интерпретация жестокой действительности. Тогда я не понимала ассоциаций, но книга была от этого не менее интересной.

САМЫЙ УЖАСАЮЩИЙ АВТОР

– Стивен Кинг. Книги подлежат немедленной экранизации и нагоняют страху на всех, даже порой на самых стойких. Потом Эдгар По, Брем Стокер и Гоголь. Хотя тут стоит оговориться, что книга и фильм ужасов – понятия непомерно разные, ведь в последнем есть возможность действовать на читателя несколькими путями, чего не скажешь о книге. Музыка, световые эффекты и другие спецэффекты, эффект внезапности тоже хорошо вселяет страх, и именно этот эффект сложнее всего описать в книге. В общем, фильм книге не чета.

САМЫМИ УДАЧНЫМИ ЭКРАНИЗАЦИЯМИ ПРИЗНАНЫ

«Сияние» и «Мгла» по романам Кинга. Фильм «1408» был назван четыре раза, «Лангольеры» и «Молчание ягнят» по три раза, «Оно» – два раза. Кроме того в число хороших экранизаций попали «Мизери», «Цвет», «Кладбище домашних животных», «Сонная долина», «Восставший из ада», «Ночной народ», «Повелитель иллюзий», «Царь зла», «Книга Крови», «Ловец снов» и «Зеленая миля».

СЕРГЕЙ ДЕГТЯРЁВ:

Мне экранизация «Мглы» понравилась гораздо больше. Но именно из-за последней сцены – она была невероятно больная – когда отец убил сына, девушку. Закричал, вышел из машины, а там уже шли военные и уничтожали мглу. Вот это концовка! Я каждый раз, когда её вспоминаю, начинаю представлять себя на месте этого героя, и мне плохо становится. Сразу бы пальцами себе вены вырвал после такого убийства.

Один из немногих фильмов, режиссёрская задумка которых превзошла по качеству писательскую, на основе которой он и был сделан.

Художник: HeliterSkelter

ВЛАДИСЛАВ ЕФРЕМОВ:

Возможно, я сейчас покажусь высокомерным. Сидя за компьютером дома, очень просто судить о попавших в ужасную ситуацию, и всё такое, но... люди вели себя ужасно глупо. Начиная с немой сцены, где все просто отпустили в туман одну девушку, и заканчивая последней сценой беспричинного убийства. Про религиозных психопатов я вообще молчу...

Застрять в супермаркете во время апокалипсиса, это ж надо!

У меня, как, наверное, и у большинства людей, юмор – это защитный механизм в таких ситуациях. Там же все ходили между полок еды до ужаса мрачные и с единственной мыслью: «Мы все умрём!»

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА:

А мы с подругой смотрели в кинотеатре «1408». И этот фильм стал единственным фильмом ужасов, при просмотре которого я чуть ли не кричала. Больше такого страха ни от книг, ни от фильмов не испытывала

Давайте вернемся к нашему брату – писателю. И его проблемам. Какие обязательные составляющие литературы ужасов (не считая присущих другим художественным произведениям) вы можете выделить, исходя из своего читательского и творческого опыта? Формулируя вопрос проще – что должно в любом случае быть в книге (вампир, убийца, страх, неизвестность)?

АННА БЕЗКРОВНАЯ:

Обязательно должна быть психологическая составляющая, но не в виде «герой ужаснулся так ужасно, что это прямо ужасный ужас», а обрывочных мыслей, действий, истерики наконец. Если всё это подано мастерски, то мне по-настоящему страшно, даже если я так и не узнаю кто же этот загадочный монстр – существо или же всё-таки явление?

Пугает не что-то конкретное, а сам страх, причина которого быть может вовсе и не страшна.

АНТОН САЖЕНЦЕВ:

Для меня главное – чувство нарастающей тревоги, когда читаешь и понимаешь, что вот-вот должно случиться что-то плохое. Следом идёт атмосфера. Больше всего нравится тягучая, когда, образно говоря, монстры шагают медленно, как черепахи, а герою некуда от них деваться, он понимает, что они всё равно его убьют, съедят, переварят, то бишь смерть для героя неизбежна. Ну и желательно, чтобы герои были колоритными, а некоторые настоящими безумцами. Или как Кинг любит делать – писать о добром на вид, спокойном или весёлом человеке, который со временем превращается в убийцу.

ВЛАДИСЛАВ ЕФРЕМОВ:

Неизвестность и противоречие обязательно должны присутствовать. С первым всё ясно. Ужасы без неизвестности, как космоопера без космоса. Ну а противоречие – это когда выдернутые из розетки часы продолжают вести обратный отсчёт, когда статуя, только ты отвернулся, стала чуточку ближе к тебе, когда единственные часы в комнате кем-то сломаны, а тиканье доносится из-под кровати. Противоречие всегда связано с неизвестностью, но разница есть, и она весьма ощутима. Всё остальное меня не пугает.

АЛЕКСАНДР МЕЦГЕР:

Главное в ужасе – психологический фактор. Нагнетание страха при помощи безысходности. Когда ты сидишь и уже расслабился, вдруг на тебя, что-то набрасывается. В этот момент получаешь наибольший стресс.

ПОЛИНА ПЕРЕВЕРЗЕВА:

Нужно описать эмоции и ощущения героя так, чтобы читатель пропустил через себя весь этот страх. У каждого человека свои страхи, и если он сталкивается с ними в книге или фильме, то это усиливает восприятие. Вот я, например, чувствительно отношусь ко всему, что касается детей, поэтому, когда я читаю о боли, причиненной детям, меня охватывает

настоящий ужас.

СЕРГЕЙ ДЕГТЯРЁВ:

Не страшен сам факт наличия монстра (ну если только читатель не подвержен влиянию какой-либо из фобий), страшна неизвестность. Но дело не столько в самом понятии ужаса, сколько в интересе, что просыпается уже после прочтения. Ведь когда захлопываешь книгу, если она полна атмосферы, то ты ещё долго не в состоянии отойти от пережитого. Перевариваешь информацию, представляешь возможные продолжения, думаешь о недосказанном.

А есть ещё и такая штука, как стилистика. Сбоев в ней быть не должно. Они особенно чувствуются, когда уже «живёшь» произведением, а автор начинает выдавать странность за странность. Часто бывает виной тому юмор, который писатель бросает в места, где этого делать категорически не нужно. Результат – сбитая атмосфера и неприятное ощущение у читателя.

ТАНЯ БАНЬШИ-ВА:

Основная составляющая – это приближенность к реальности. Сюжет, при котором ты думаешь, что такое существует и оно может появиться здесь и сейчас. Психология, нагнетание обстановки и необычная концовка, которую не ждешь. Мне кажется, для этого требуется легкий простой слог, без особых художественных изысков и финтифлюшек. Как будто тебе друг рассказывает историю из жизни – здесь, конечно, мастер Кинг.

АЛЕКСАНДР ЛУНКРАЙ:

Есть ещё такой прием. Когда «нечто» рядом с главным героем, но он об этом не знает. И сам читатель может только догадываться, что с окружением действующего лица что-то не так. Интрига! Вроде бы нормальный человек или люди, однако что-то все равно не нормально. Очень тонкий момент.

АДАЛИН ДОГМАР:

Чтобы получилось что-то по-настоящему страшное, нужна смесь вымысла и реальности, или вымысел, основанный на реальности, чтобы человек читал и думал: «А ведь я мог оказаться на его месте!»

А вообще, литературе ужасов определено нужно что-то новое и незаезженное. Вот лично я это новое люблю находить в японских ужасах, есть у них что-то необычное, то, что еще цепляет читателя. А старые добрые вампиры – это уже настолько выеденный образ, что теперь кровососом сложно кого-то испугать. Он уже стал эдаким сладко-мило-приторным существом.

Предлагаю, основываясь на всем вышесказанном, выделить те самые главные приемы писателя, которые вызывают ужас в читателе. Как эти приемы воплотить в жизнь практически?

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА:

Интрига, неизвестность, психологизм. Как воплотить на практике – зависит от индивидуальности писателя и его таланта. Каждый добивается нужного результата по-своему. Кому-то нужно грандиозное действие, кому-то достаточно монстра под детской кроваткой. Нет единого рецепта.

АЛЕКСАНДР ТЭМЛЕЙН:

Неизвестность, правдоподобное нагнетание страха, показ внутренних чувств героя. Мне кажется, уникальный приём – описать то, чего сам реально боишься. Тогда получится передать правдоподобие.

АЛЕКСАНДР МЕЦГЕР:

У каждого человека своя фобия. Одних пугает неизвестность и нагнетание обстановки. Других преследуют индивидуальные страхи. Невозможно всем угодить. Зависит и от обстановки, где читатель знакомится с вашим героем, например, читать на кладбище после двенадцати ночи. Желательно соединить все эти приёмы, но это зависит от таланта автора.

КИРИЛЛ РУСОВ:

Внезапность, неизвестность, психологическое напряжение.

АЛЕКСЕЙ ШИНКЕЕВ:

Вот у меня нет тех фобий, о которых пишут писатели ужасов! Ни одной! Честно-честно! Поэтому я их и читаю. Надеюсь, что хоть раз они меня испугают. Не получается! Но мне все равно одно удовольствие читать такие романы, потому что у самого в жизни... Мне хватает страха даже на глазах, поэтому не боюсь написанного... Пишите об этом, друзья мои!

АННА БЕЗКРОВНАЯ:

Для меня это нагнетание обстановки, яркие мысли и эмоции героев, связанные с ужасом, нетривиальные и страшные поступки, элемент неожиданности, удачные атмосферные картинки действительности, окружающей героя (полный набор, включая звуки и запахи).

ТАНЯ БАНЬШИ-ВА:

Я бы наверное ещё выделила близость к реальности, психологические приемы в виде безысходности, приближения неизбежности и, пожалуй, страшный вынужденный выбор – признаки психологического триллера. Но писать в этом

стиле ни разу не пыталась, ибо не готова вживаться в это состояние. Требуется описание ощущений по нарастающей от страха до ужаса, частенько – состояние паники.

АНТОН САЖЕНЦЕВ:

Хочу добавить фактор вины героя. Когда читатель видит, что тот сам виноват в случившемся. К примеру Кинг или «Страшная месть» Гоголя. Чтобы эти приёмы «выстрелили», нужно писать достоверно и понятно.

СЕРГЕЙ ДЕГТЯРЁВ:

Добавляю атмосферу, знание психологии человека. Всё остальное логически выходит из китов создания ужаса. Атмосфера должна настораживать, создавать внутренний накал. Психологические моменты призваны дать читателю взглянуть на себя со стороны и поставить себя любимого на место героя, который попал в нелёгкую ситуацию.

Художник: HellterSkelter

Каждый литературный процесс необратим и движим различными факторами: читательской аудиторией, культурными нормами, изменениями в политике, экономике, социуме. Перед войной все зачитывались романами о высшем свете, в послевоенный период были модными реальные истории о войне, потом появилась фантастика, фэнтези, дамский легкий романчик. Какое место в популярности занимает литература ужасов сегодня? Интересно ли она читателю и будет ли интересна в будущем?

АННА БЕЗКРОВНАЯ:

На мой взгляд, с совершенствованием качества спецэффектов, литература ужасов уступила место хоррор-фильмам и компьютерным играм. Теперь автор должен быть настоящим мастером, чтобы напугать читателя словами. Но в любом случае, как не иссякнет интерес к литературе в целом, так и почитатели жанра останутся. Разве что это направление ни чем не превзойдёт иные.

АНТОН САЖЕНЦЕВ:

А мне кажется, что сейчас всё больше людей тянуться к ощущению страха в искусстве; скажем так, жанр ужасов себя не изживёт, если только в будущем не придумают нанолечение от страха. Люди любят страх, он будоражит и помогает выпустить адреналин в кровь, а люди любят адреналин, исходя из чего, литература ужасов всегда будет интересна. Если, конечно, не считать вытеснение литературы в целом фильмами и играми.

СЕРГЕЙ ДЕГТЯРЁВ:

Подобная литература никогда не изживёт себя. Человек всегда любил и будет любить пощекотать себе нервы, поднять уровень адреналина и представить всякие гадкие вещи. Это просто необходимо – давать выход эмоциям и тому, что сидит в душе. Тут можно скрыться от близких людей, друзей, но от самого себя не уйти. Вот и хочется «попугаться».

Я уже давно не видел фильмов, которые могут претендовать на роль хоть немного страшных. С появлением крутых спецэффектов режиссёры упали в сценариях и стали производить нестрашные бессюжетные картины. Игры пугают чуть больше, но и то далеко не все. На мой взгляд, нет ничего лучше, чем почитать по-настоящему стоящее произведение и отдаться воле собственной фантазии. Увы, после «Сумерек» вампиры стали ассоциироваться с геями. Сейчас очень

трудно это сделать, потому что смотреть в любом случае будет через призму Майер, от этого не уйти. Любые новшества будут поданы как использование того, что в «Сумерках» якобы было, но поверхностно. Все попытки написать по-старому уткнутся в «копирование Майер».

ПОЛИНА ПЕРЕВЕРЗЕВА:

Литература ужасов всегда будет популярна. Просто она будет меняться со временем, как меняется в обществе понятие страха. Современники Б. Стокера, идя по темному переулку, наверняка вздрагивали от любого шороха и опасливо оглядывались. Но сейчас, особенно после «Сумерек», «Дракула» кажется не литературой ужасов, а книгой о любви и преданной дружбе. С. Кинг еще популярен, потому что людей интересует психологизм, необычное поведение таких же, как мы. Ведь никто не знает, чего можно ожидать от соседа, сослуживца или одноклассника. Не принесет ли он ружье и не расстреляет окружающих по известным только ему причинам. И это страшно. Всякими чудовищами и инопланетянами нас уже не запугаешь. Но пока страх существует в человеке, его всегда можно напугать. Значит, литература ужасов будет всегда, только бояться будут совсем другого, соответственно и писать о другом.

А ведь вампиры довольно интересная тема, тут и ужас, и психологизм. Эх, нужно брать за перо и выдать чего-нибудь такое ужасненькое. Обидно за вампиров. В одном мультфильме недавно видела – Дракула, видя отрывок из «Сумерек», с обидой говорит «Так и думал, что нас придурками изображают».

КИРИЛЛ РУСОВ:

Несомненно, литература ужасов будет существовать и развиваться, к примеру, переплетаясь с другими жанрами. Мне кажется, если написать страшилку грамотно, то можно напугать читателя ещё сильнее, чем какой-нибудь фильм «Спуск», или игра «Dead space». Страх же в голове, сила его зависит от того, насколько извращена фантазия автора. Ну и читателя тоже.

АЛЕКСАНДР ТЭМЛЕЙН:

Мне наоборот кажется, что истоки популярности жанра ужасов в «обычности окружающей жизни». Её обыденности, продуманности, безопасности. В ней нет ничего непредсказуемого. Жанр популярен по той же причине, по которой популярны «американские горки». Я вот вычитал у Никонова, что одна из базовых потребностей человека, кроме инстинкта размножения и сохранения вида, – это потребность менять эмоциональное состояние. То есть в древности человек жил в опасном и ежеминутно меняющемся мире. Он эволюционно адаптирован для жизни в ТАКОМ мире. В мире с хищниками, неведомыми опасностями из ночи, мире с войнами, с катастрофами. Сегодняшнее «продуманное бытие» сказывается на его психическом здоровье не оптимальным образом.

Участники круглого стола практически единогласно заключили, что жанр ужасов будет востребован всегда

Именно поэтому психологи советуют менять образ жизни, выезжать в далёкие страны и так далее – человеку нужны новые, яркие, иногда пугающие ощущения.

Нужен выброс адреналина. Любой орган работает хорошо, если он работает регулярно. Выброс разнообразных гормонов в кровь действует благотворно. Например, гормоны влюблённости (которые, кстати, отчасти сходны по эффекту с гормонами стресса) улучшают кровоснабжение головного мозга, повышают интеллект. В общем, ужас вряд ли умрёт как жанр, ибо апеллирует к естественным потребностям человека и его «генетической памяти», если так можно выразиться.

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА:

Считаю, что пик литературы ужасов еще впереди, потому что она позволяет выйти за «зону комфорта» человека. Чем более обустроенной и комфортной будет становиться повседневная жизнь, тем большей популярностью будут пользоваться ужасы.

Говоря об актуальности этого направления, я тоже считаю, что хоррор не изживет себя. Каждый человек ищет в литературе свою читательскую и писательскую нишу. А ужасы – широкое поле для деятельности.

АЛЕКСЕЙ ШИНКЕЕВ:

Всегда найдутся читатели литературы ужасов. Всегда найдутся люди, у которых ужасов предостаточно в своей жизни, и они лучше отвлекутся на чужие, вымышленные ужасы. Также для людей со слишком богатым воображением – это самый подходящий жанр. А таких людей не убавится. Значит, и жанр не исчерпает себя. А его место в литературе очень призрачно. Есть люди, которые не переваривают ужасы ни в какой степени; есть те, которые относятся нейтрально и те, кто вообще никак не может обойтись без этой литературы. Вот каких людей больше, на таком месте и этот жанр...

АЛЕКСАНДР ЛУНКРАЙ:

На мой взгляд, это зависит от уровня жизни. Если стрессы каждый день, на работе, дома, в стране – зачем ужасы кому нужны будут, если они и так в повседневности? Если достаток – зачем литература, когда можно пойти на те же «американский горки»? Среднестатистический любитель ужастика ищет свой адреналин в кино, играх, бродит ночами по темным переулкам (если совсем уже туго), а всю страшную литературу ужасов давно перечитал. Потому жанр будет жив до тех пор, пока писатели не разучатся пугать людей. ♦

Художник: HelterSkelter

ОХОТНИК

Александр ЛУНКРАЙ

Почему люди убивают? Глупый вопрос...
Убийство – муторное дело.

Тут бывает так, что самому делать ничего не надо, кровушку кто-то может пролить и за тебя. Например, наёмный убийца – человек, приносящий смерть за деньги. Нанял чувака, заплатил, тот пошёл, всех замочил, а ты сидишь довольный в кожаном кресле и под классическую симфонию Моцарта или Баха наливаешь себе коньяк. Руки вроде чистые, и делать ничего не пришлось. Но вот если твой киллер облажался, то это уже целая проблема! Денешки плакали, и опять нового искать нужно. Чистый вариант, но ненадёжный. Если что-то хочешь сделать хорошо, сделай это сам!

Можно подстроить несчастный случай – и чем сам по себе не убийца, да? Банановую кожуру положил в туалете, жертва пошла, поскользнулась, и головой об унитаз – хлоп! Хотя тут нюанс: если мозгов не хватает, то как же такое подстроить? А если неуклюжий и криворукий, то и сам с этого балкона, где перекладину подпилит, свалишься. И вообще, могут застучать в момент осуществления злого умысла. Как-то сложно это...

Ещё можно довести человека до самоубийства – вывел его из себя, а тот петлю на шею без мыла и – хрясь! Капец. Хотя... тут всегда мотивация нужна, чтобы заставить человека на себя руки наложить. А где её взять, если у него всё благополучно? А если даже и нет, то другой кто-то догадаться может, что ты ему чешешь, с какой целью. Везде так или иначе засветишься – человеческий фактор, чего уж там говорить.

Однако у некоторых людей проблем с этим делом вообще не бывает.

У тех, у которых есть особенный убийца, идеальный во всем. Свой собственный монстр...

Роб Вотсон любил путешествовать, потому никогда не задерживался на одном месте больше года. Денег, полученных в наследство от богатой родственницы, хватило бы одинокому мужчине на всю жизнь. Но Роб считал, что человек должен всегда работать. Любой труд только облагораживает, не позволяет расслабиться, превратиться в растение. Поэтому где бы он ни останавливался, всегда находил работу: чаще слуги, садовника, дворецкого.

Он, зрелый мужчина со строгими чертами лица, милой улыбкой и добрыми глазами, с легкостью добивался расположения любого потенциального работодателя.

Так, в Амстердаме он устроился лакеем в дорогую гостиницу...

В один из дней Вотсон как обычно наблюдал за посетителями в холле: кому помочь с багажом или проводить до номера. В сторонке, незаметно.

– Эй, Роб! – кто-то окликнул его сзади.

– Да, Марк, – чуть обернувшись, отозвался он молодому лакею, которого взяли недавно. – Что тебе?

– Хозяйка зовёт. Говорит, срочно! И лучше поторопись, не в духе она.

Когда Роб проходил мимо коллеги, обратил внимание на его распухший глаз и спросил:

– Что это с тобой?

– Да, – замылся парень. – Книгой меня какой-то стукнула. Не в духе она, говорю же. Иди!

«Ударила подчинённого, мальчишку, за что же так?», – задумался Вотсон, нажимая кнопку последнего этажа, где находился офис начальницы.

В кабинете пахло спиртом и чем-то сладким, Роб нахмурился и сделал несколько шагов вперед. Из большого окна, перед которым находился резной дубовый стол Регины Арнлейв, яркими огнями сиял город под звёздами ночного неба. Сама хозяйка, тридцатилетняя дама с девичьим лицом, вольно лежала с бутылкой виски на диване в стороне от рабочего места. Она с кем-то разговаривала по телефону. Роб впервые увидел обладательницу этой шикарной гостиницы и удивился. Когда она

Художник: Владимир РЫЛОВ

закончила диалог, посмотрела на гостя, как показалось Робу, злобным взглядом, скривилась и убрала ноги со спинки дивана. Сделав очередной глоток, она встала. Вотсон, будто на службе в армии, всё это время стоял по стойке смирно, мысленно рассуждая о том, как могут складки на деловом костюме и растрёпанная причёска испортить всю незаурядность аристократической внешности.

– В общем, так, – начала девушка, сделала пару шатающихся шагов к подчинённому. – Завтра вся наша семья собирается в загородной резиденции. Будешь работать там. Всё то же самое: принеси – подай. Понятно?

– Да, мэм.

– Я прочитала твоё резюме, вот, – она икнула, после чего сделала очередной глоток. Бутылка в её руках стоила где-то с пять зарплат Вотсона, и когда Роб увидел на полу рядом с разорванной книгой такую же разбитую, содержимое которой ещё впитывалось в страницы и ковёр, он подумал, рассматривая пьяную Регину: «Богатые тешатся, бедные бранятся».

– Вот... – продолжила она. – Нам нужны такие, как ты: поработал и убрался восвояси. Путешественник ты мой, – она ударила Вотсона кулаком в живот, довольно сильно, и рассмеялась. Роб согнулся, почувствовав боль от врезавшегося в его кожу драгоценного камня на кольце Регины.

– Поехали! – приказным тоном выдала она.

– Куда?!

– Отвезёшь меня в одно место. А то мой водитель всё папаше докладывает, сволоочь. Поехали!

Он вёз её долго, она даже успела поспать. Город отдалялся, а дорога вилась змейей. Её личный автомобиль дорогой марки скользил плавно, а встречные машины пулей проносились мимо.

– Вот! – крикнула она сорвавшимся голосом. – Там будет поворот! Остановишься!

Она достала белый платок из сумочки и высморкалась, потом посмотрела на себя в зеркало, вздохнула. Зачем-то развернула платок и брезгливо рассмотрела его. Через минуту Роб увидел впереди у поворота двоих парней, один из которых сидел на мотоцикле.

– Вот они! Стой! – сказала Регина и прямо на ходу стала открывать дверь. Роб затормозил. К девушке подбежал один из них. Они долго обнимались, о чём-то говорили. А потом Вотсона попросили выйти из машины. Хозяйка села обратно и

ещё не закрыв дверь, крикнула ему:

– Всё, проваливай домой, свободен! Завтра в резиденцию, и не опаздывай! Парень подвинул широкой грудью Роба и сел на водительское место. Окно задней дверцы открылось, и девушка повторила:

– Всё, домой! Свободен, чего стал?!

Она выбросила носовой платок и, махнув рукой водителю, что-то пробормотала про усталость. Автомобиль резко тронулся, а тихий шум его двигателя заглушил рёв мотоцикла, который ринулся в противоположную сторону.

Вот так Роб Вотсон остался совершенно один на дороге, далеко от города. Его взгляд помутнел, а добрая улыбка, с которой он всегда смотрел на жизнь, стала холодной. «Часто такое бывало», – кивнул он, присел и подобрал платок Регины Арнлейв.

Ночь, туман, влажно – недавно прошёл дождь. Колкая прохлада ночи тёплого лета. Тишина, заброшенный парк, когда-то бывший местом отдыха жителей этого необычайно хмурого пригорода Амстердама. Разбитая мокрая лавка, прогнившие доски покрылись плесенью, а металлическая конструкция поржавела и деформировалась в некоторых местах. Запах сырости и тишина, изогнутый фонарный столб без проводов и лампы, грязь и заросли. Ровные шаги, стук тяжелых каблучков.

– Та мне слышишь? – прохрипело существо. – Та тут?

Голос исходил откуда-то сверху. Луна освещала парк. Человек, которому был адресован вопрос, наблюдая снизу, заметил странный силуэт на большой облысевшей иве, но молчал. Не двигался.

– Та здесь? – снова хрип сверху.

Незнакомец наконец показался. Это был хмурый, зрелый человек. Он вышел из-за груды камней, которые раньше составляли часть забора с аркой вычурного входа, и подошёл ближе к иве.

– А ты разве меня не почувял? – спросил он.

– Почуял, – ответил оживлённый голос, уже не хрипло, но грубо и чётко. – Далеко почувял.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Знаю не.

– Ночь началась, – сменил тему человек.

– Знаю.

– Молодец.

– Такой кто молодец?

– Не важно...

– Важно?

– Твоего Та снова обидели...

Он достал из кармана белый платок и кинул на землю. Создание тут же спрыгнуло с ивы.

Необычный зверь с полметра ростом, очень подвижный. Острые торчащие белые клыки, когти цвета сажи на жилистых лапах поглощали свет так,

что сливались с чёрной шерстью. Жёлтые глаза с кошачьими зрачками оживленно бежали, осматривая местность, потом застыли на платке. Одним молниеносным прыжком монстр приблизился и подхватил вещицу, прижал к вытянутой собачьей морде. Из пасти потекла слюна.

– Новая игра! – прохрипело создание.

– На этот раз мне всё равно как. Но помни, свидетелей не должно быть, – приказал человек. – Есть сила сильнее власти и любых денег, я хочу, чтобы они это поняли. Пусть даже они познают эту истину в лице смерти.

Зверь довольно засопел, вдыхая аромат платка с отчетливым женским запахом дорогих духов, косметики и алкоголя.

– Пойдешь на восток, держись реки. Найдешь большой дом с высоким забором. Дальше почувешь сам, где...

Он бросил вещь и мигом унёсся прочь из парка. Его силуэт человеческому глазу мог напомнить собачий, но зверь передвигался так быстро, что его облик никто бы не смог рассмотреть.

Вскоре он вышел на след желанных запахов, нашёл свою цель. Луна плыла высоко над горизонтом, до рассвета оставалось ещё несколько часов.

Трёхэтажный особняк, женщина с этим запахом, её аромат духов здесь, в этом месте. Он знал все запахи наизусть, умел различать тончайшие оттенки, его заводила близость к цели. «Хозяину всё равно как», – прозвучали памятные слова в голове зверя, когда он одним прыжком преодолел массивный каменный забор, пробежал через кусты малины.

Шестнадцать различных оттенков почувял он – шестнадцать человек, и лишь один уже знакомый запах. Она здесь! Подбежав к дому, взобрался на крышу.

«Хозяину всё равно», – звучало в голове, и он приближался к очередной забавной игре.

Каждую ночь он просыпался где-нибудь в берлоге, часто в разных городах, но почти всегда в старых парках. Он любил эти брошенные людьми места, ему нравилось охотиться и убивать, но больше всего – играть. Ждал своего единственного «друга», который пахнул чистой смертью, который однажды нашёл его, научил говорить и жить в тени от людей, и который дарил ему новые игры и забавы. А он охотился и наслаждался, потом возвращался довольный и уставший, а «друг» гладил его по влажной от чужой крови шерсти, обещая новые игры. Это нравилось зверю.

Он спрыгнул с крыши на балкон, дверь

чуть приоткрыта, в воздухе запах табака, шампуня и старого человека. Мужчина, дремавший в кровати, недавно выходил курить, но сейчас уже спал. Тяжёлая лапа сомкнулась на его голове, раздробив череп. Брызги мозговой жидкости разлетелись во все стороны, словно мякоть разбившегося об асфальт арбуза. Зверь разжал могучую хватку, наслаждаясь ласкающим слух хлопающим звуком. Мужчина умер, даже не почувствовав боли, зверь облизал лапу. Охотник возбудился. Он издал истошный вопль, переходящий в нечеловеческий крик. Выбежал из комнаты в поисках ближайшей жертвы, наткаясь на стены и вгоня когти в пол, чтобы разогнаться.

Старушка, вышедшая на крик, ростом была почти на две головы выше убийцы. Она не успела даже вскрикнуть. Охотник одним ударом разбил её грудную клетку, вырвал лёгкое. Остановился, поднявшись на задних лапах в полный рост, смачно впился в орган зубами. Старческое сердце нервно ударило еще пару раз, толкая кровь, затем тело жертвы чуть согнулось и упало замертво.

Охотник ринулся вниз, на второй этаж. Начиналась игра. Проснулись люди, а он позволил им себя увидеть. Ужас и вопли заполнили дом, он забавлялся, гонялся за людьми, кусал, царапал, но не убивал и никому не давал сбежать.

Догнав молодую девушку лет двадцати, он схватил её за ногу, располосовал когтями тело, подбросил вверх и тут же в прыжке перехватил. Кровавым комком он играючи покатился с лестницы обратно на первый этаж, проломив пол, упал с ней в подвал. Некоторое время из чёрной дыры раздавались хлопающие звуки и чавканье. Потом настала минута панического затишья, после которой жёлтые глаза вновь блеснули из тьмы. Парень в шортах, голый по пояс, выбежал с ружьем, подбежал к проёму и стал стрелять в жёлтые точки. Тщетно. Охотник быстрее пули вылетел из ямы, ухватил стрелка за бок, выдрал почку, тело парня тут же обмякло, ещё одно клацанье челюстью и вторая «сладость» оказалась в его пасти. Чавкая и наслаждаясь, он вынюхивал следующую жертву. Никто не мог спрятаться. Убежать. Потому что зверь чуял даже запах ворон, которые облюбовали дерево рядом с окном комнаты, в которой он нашёл ещё одного несчастного. Птицы, словно стервятники, ожидавшие пищи, стали свидетелями того, как монстр укусил мужчину за лицо и отшвырнул тело, брезгливо, как будто надоело. Пережевав немного, зверь фыркнул. На пол упали несколько человеческих зубов. Издав очередной крик страсти, он продолжил игру. Была пальба, изнывающие крики, вопли агонии. Зверь забавлялся до тех пор, пока не осталась одна она – его цель.

Он затаился. Выжидал. Женщина, которая видела смерть всех своих близких, служащих и охранников, на которых так питала надежду семья все эти страшные минуты, забила в угол одной

из комнат. Когда стало совсем тихо, она с дрожью в теле и в ожидании на избавление от этого кошмара, будто поверив, что это сон, решила выйти – проснуться.

Она никогда не испытывала такого ужаса. Шла среди трупов, остатков тел, по кровавой лестнице вниз, ступала босыми ногами, не веря в то, что видит. Когда спустилась, обошла дыру и со слезами побежала к выходу. Но тварь с прилипшими к чёрной шерсти остатками людской плоти преградила путь. Жертва попятилась, упала, раздавив чьи-то кишки, скользая в лужах крови, ударяя пятками об пол, отползала от охотника, не ведая себя, приближалась к дыре в полу. У самого края доски проломилась, и она рухнула вниз. Упала на что-то мягкое и мокрое. Бессознательно ушла в сон.

Она очнулась от того, что кто-то облизывал ей лицо, как её любимый спаниель по утрам, но, придя в сознание, ужаснулась, оттолкнула от себя мерзкое мохнатое существо, другая рука провалилась в теплую жижу, поранилась обо что-то. Женщина вскрикнула, когда коснулась густых волос. Застонала, узнав пышную копну родной сестры. Тут же её поташили за ногу, впиваясь чем-то острым в ступню. Она кричала и сопротивлялась, болезненная хватка не слабела. Её крики и ужас были первобытными, она всё чаще переставала осознавать происходящее, теряла рассудок. Но не страх. Ею владел первобытный ужас, сводящий с ума.

Зверь дотащил её до лестницы из подвала.

Он уже проделывал это раньше, всякие человеческие штуки – кнопки, выключатели – ему очень нравились, и он знал, что если нажать, то зажжётся жёлтый свет. Понимал, что при таком свете люди видят хорошо.

Он включил свет и повернулся к девушке.

Её глаза вспыхнули ярким ужасом, что поверг в бездну и вновь лишил сознания.

Бессмысленное убийство ради пищи никогда не доставляло зверю наслаждения, а вот когда была цель, задание, месть для хозяина – зверь жил, просыпались странные чувства, неизвестные ему в дневное время, когда он спал или приюхивался к миру. И такие моменты он любил продлевать, играя.

Он облизал её раненую шиколотку, ощутил вкус крови. Девушка была в изодранном ночном платье, грязная и бессознательно спокойная.

Охотник замер. В голове закружились мысли: почему он такой? Что это за место? Кто я?

– Та! – по-человечески произнёс он.

Осмотрелся. Мысль: «Почему я вижу хуже при жёлтом свете, чем в темноте. Человек вкусный. Что едят люди? Печень, почки, лёгкие – вкусно. А что ем я? Мясо, печень, почки, лёгкие? Чем же я отличаюсь от них?»

Зверь встал на четвереньки, подошёл к телу. Лизнул лицо девушки от подбородка до лба, оставив кроваво-прозрачный след со смесью белой пены, которая потекла вниз по строгим скулам. Мысль: «Чем же отличаюсь? Внешностью, да! Нет! Люди внешне тоже разные. Может тем, что не ем я? А что едят они, что не ем я?»

Он вернулся к мёртвой девушке с пышной копной волос. Повернул к себе лицом и вгрызся в шею, брызжа слюной и кровавой пеной, что-то пытаясь найти, выедавая и вытягивая жилы. Потом почуввав то самое, назойливое, опустился ниже, посмотреть, что же это такое, так воняет, всё сильнее и сильнее. Этот омерзительный запах он часто ощущал в людях женского пола и догадывался, что это, но никогда ему не доводилось попробовать его источник.

Сомкнул челюсть на груди девушки и застыл...

Её что-то вывело из сна, в углу возле лестницы она пришла в сознание. Дрожащие руки потянулись к лицу, она, царапая пальцами глаза и щеки, пыталась стереть с себя зловонную слизь. Свет жалил, будто видела впервые, но зрение быстро восстановилось. Она увидела мохнатую спину создания, склонившегося над сестрой. Голова той висела на одном лоскутке кожи, а застывшее лицо со стеклянными глазами будто молило о помощи. Запутанные волосы пышной копной лежали на полу в жиже из слизи и крови, голова подскакивала от тряски. Монстр что-то выедал из грудной клетки жертвы. Вынюживал. И вдруг бросил тело, выгнув спину, издав фыркающий звук. Что-то потекло из пасти, его вырвало потоком красно-коричневой слизи с осметками человеческого мяса.

– Белая вонь! – истошно завопил он. – Не вкусно!

Зверь вновь подхватил тело, так сильно, что голова оторвалась от разодранной шеи и шлёпнулась в лужу загустевшей крови. Он одним взмахом вырвал сердце и впился зубами, стал размазывать орган языком по всей пасти, вдавливая между зубами, пытаясь избавиться от белой вонючки.

Живая, бледная, мертво холодная от страха девушка, наблюдая за трапезой существа, застонала в такт сердцу, так быстро, что стон превратился в протяжный вой одной ноты беспомощности, её глаза – в два чёрных озера безумства. Ей захотелось исчезнуть, всё тело трясло в судорогах, но инстинкт повёл к призрачному спасению. Сначала её подняли колени, рука вцепилась в перила. Шаг. Ещё один.

Ещё...

Но она вновь оказалась придавленной могучей лапой к полу. Обездвиженной. Перед лицом – его оскал, из которого ей на шею стекала кровь, а остатки сердца сестры были нанизаны на клыки. Он сжал ей горло, придушил. Ещё один излюбленный

Художник: HeltterSkelter

приём, которому научил хозяин. Хочешь усыпить – сожми шею. Многие умерли, перед тем как зверь научился делать это правильно. Теперь она не рыпалась и можно исследовать. Живая, но дёргающаяся в его лапах. Такая редкость...

Зверь долго обнюхивал обездвиженное тело, лизал волосы, пытался понять. Рассматривал, насколько хрупка, нежна и беспомощна человеческая оболочка. Покусывал пальцы ног, тёрся об неё телом. А потом, когда надоело, одним рывком содрал ночную рубашку. Медленно провёл когтем по животу вниз до лобка. Этому движению мог бы позавидовать опытный хирург, так же, как и инструменту, которым обладал монстр. Через секунду выступила кровь. Человеческий организм завопил от боли и заставил хозяйку очнуться. Вскочила. Затёкшие глаза различали только мутные силуэты и одно большое чёрное пятно вблизи. Она уже не помнила, что случилось, что произошло. Обессиленная, она не могла ничего сделать, только чувствовать. Схватила за живот, пытаясь удержать сочащуюся кровь и внутренности, вылезавшие наружу от бессознательных резких вздохов.

– Та молодец!

Девушка застыла, а потом вмиг обмякла, издав последний выдох, упала и умерла.

Обнюхав труп в последний раз, он впился в её разрезанный живот мордой, выедавая внутренности. Мысль: «Что они едят? Да. Едят то, что

Художник: HellferSkeller

не ем я: белую вонь». Вывод: «Белая вонь – не вкусно, этим и отличаемся».

Удар в грудную клетку разорвал плоть, разбил кости, вырвал сердце. «Это самое вкусное! Самое сладкое».

Недавно он узнал от «друга» новое слово – десерт. Узнал его обозначение и отнёс его к слову «сердце».

Он покинул дом. Вернулся в парк, вылизывая шерсть и доедая то, что к ней прилипло во время потех. Уснул сладко с новыми знаниями, которые сам

для себя открыл. А в особняке в комнате хозяйки скулил и дрожал спаниель: он не свидетель и плохо пахнет, не очень вкусный.

– А что вас привело в Новый Орлеан, мистер Вотсон?

– Давно мечтал посетить этот город. Возможно, даже скорее всего, навсегда тут и останусь, – соврал Роб.

– Это хорошо. А почему выбрали именно нашу школу?

– Должность мне по душе, а у вас как раз вакансия есть. Мне предлагали в другой следить за футбольным полем, но я как-то на вас ещё надеюсь.

– Заведующий хозяйством – ответственная должность. Но здесь одно «но»: с документами у вас всё в порядке, а вот я сделал запрос и узнал о вашем последнем месте работы. Амстердам, престижная гостиница, и такие слухи о вас среди персонала. Менеджер мне сказал, что ему приказали даже на порог вас не пускать. Что же там случилось?

– Честно... я ударил отца хозяйки...

– Вот как?!

– Да, но в целях защиты. Это вышло случайно.

– Случайно?

– У них была семейная вечеринка, а я прислуживал. Они изрядно выпили, потом стали издеваться над прислугой. Там и девушки молодые были, и парни официанты. Понимаете, люди очень богатые...

– Могу понять. Примерно...

– Вот, ради забавы они захотели отрезать официанту палец за то, что он уронил поднос с фужерами. Точнее, его нарочно сами и толкнули. Мне пришлось вступить, потому что парень не смел сопротивляться. Завязался скандал, в итоге жертвой выбрали меня, – не соврал Роб.

– И?

– И я не мог себе позволить смириться.

– Понимаю.

– Они хотели, чтобы я пилил мочу. Представляете? Сказали, что раньше, когда хозяин пил алкоголь, рабы собирались у его дома с чашками и ждали, пока он выйдет по нужде. Подставляли сосуды, и пили из них его мочу. И хмелили. Вот мои хозяева хотели этот исторический факт проверить на мне. Захмелею ли?

– Это ужасно...

– Но я был трезв и, к тому же, сильнее. Пока охрану не позвали. Тогда я просто убежал.

Недолгое молчание.

– А вы знаете, что всю семью Арнлейв убили?

– Как? – удивился Роб. – Нет...

– Да. Только собака осталась в особняке живой. Слава Богу, что детей там не было, все с гувернанткой за границей были. На Красном море. А самому младшему едва полгода исполнилось, он в это время с отцом находился здесь, в Штатах.

Отец малютки и оказался единственным взрослым наследником целого состояния, с кучей детей на попечении. Вот так вот.

– Не верю...

– Да. Увы. В такое трудно поверить. Убили очень жестоко, растерзали. И никаких следов... Настоящий ужас, как говорят.

Директор школы, седой старик, которому ещё год оставался до пенсии, посмотрел в глаза Вотсона и одобрительно кивнул:

– Знаете. Вы нам подходите. Можете приступать завтра. Вам всё объяснят.

– Благодарю. Я вас не подведу.

Вечер, запах морского воздуха и гул машин. Новое место, новая жизнь, работа. Он шёл, улыбаясь прохожим, к месту под названием «Любой груз куда угодно», где стоял арендованный им на днях грузовик. Нужно было забрать контейнер из порта и найти заброшенный парк или на крайний случай подходящее место вблизи города.

Роб свернул на нужную улицу, когда вдруг кто-то врезался в него, ударив головой в подбородок. Случайно и несильно. Первое, что увидел Вотсон, это надкушенный хот-дог на тротуаре, а затем почувствовал, как что-то стекает с его щеки на рубашку.

– Ну! Ты, мужик, смотри, куда прёшь, тупица!

– Раздался бас. Этот противный толстяк в майке-безрукавке, пропитанной потом, принялся поднимать хот-дог.

– Извините, я вас не заметил.

– Да мне плевать на твои извинения! – он пальцами попытался очистить сосиску от прилипшего мусора, но ничего не вышло. Тогда он с отвращением швырнул полуфабрикат в лицо Роба, оставив в руке только салфетку. – Сволочь слепая! – буркнул он и, вытирая лицо, двинулся на Роба, толкнул его плечом и, как ни в чём не бывало, пошёл дальше. Кинул салфетку в сторону; та, подхваченная легким ветром, пару раз плавно перевернулась в воздухе и нашла место у бордюра. Лицо Роба сменило добрую улыбку на холодную, а глаза застыли, глядя на окружающих через призму сожаления и обиды. Новый порыв ветра приподнял край салфетки и вот-вот бы подхватил вновь, но носок туфли Роба прижал, не позволив ей улететь. Он вытерся от кетчупа и горчицы рукавами, а потом поднял салфетку толстяка и положил её в карман.

Вот и нашлась еда для голодного с дороги зверя.

Почему люди убивают? Глупый вопрос...

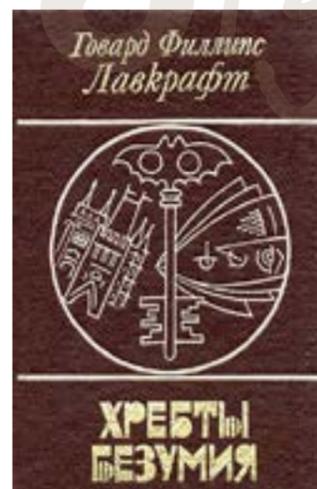
Убийство – муторное дело.

Но только не для тех людей, у которых есть особенный убийца, идеальный во всём. Свой собственный монстр... ◆

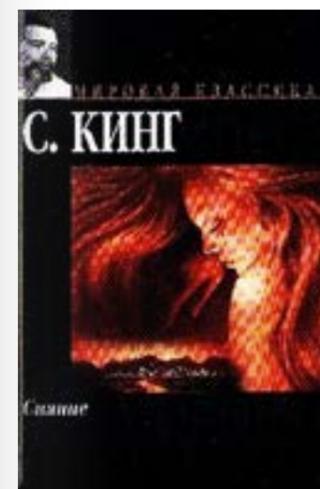
10-ка

самых ПУГАЮЩИХ книг мировой литературы

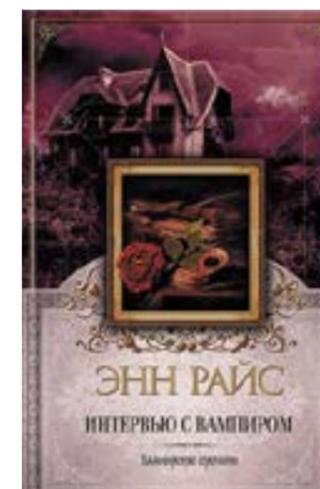
Хребты безумия
Г. Ф. ЛАВКРАФТ

Группа учёных высаживается в Антарктике и находит древний город, углубляться в который опасно для всего человечества...

Сияние
С. КИНГ

Устраиваясь на работу в отель, Джек Торранс перевозит туда и свою семью, подставляя их под удар злых сил.

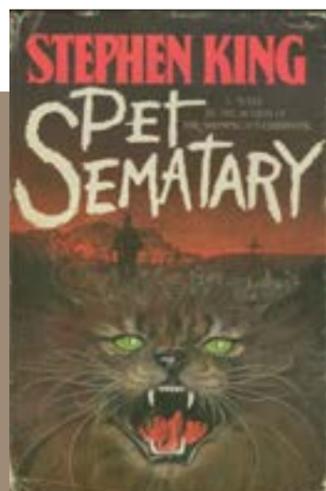
Интервью с вампиром
Э. РАЙС

Необычная история жизни вампира, которую он рассказывает молодому репортёру.

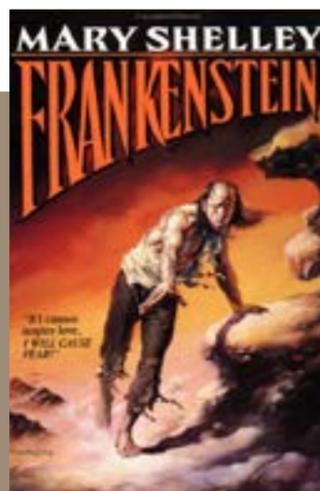
Черный кот
Э. А. ПО

История о том, как опасно убивать домашних любимцев.

Кладбище домашних животных
С. КИНГ

Луис Крид плюёт на предупреждения ради спасения сына, лишь потом осознав ошибку.

Франкенштейн
М. ШЕЛЛИ

Виктор Франкенштейн предпринимает попытку создать человека из частей тела мёртвых людей, в результате эксперимент преследует его до конца жизни.

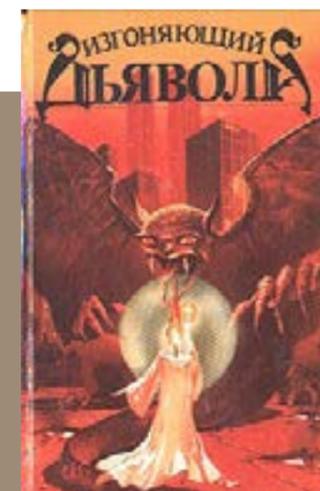
Те, кто охотится в ночи
Б. ХЭМБЛИ

Даже вампирам иногда нужна помощь детектива, чтобы справиться с обстоятельствами, которые сильнее их.

Дракула
Б. СТОКЕР

Юрист Джонатан Харкер едет оформлять документы на недвижимость в Лондоне, вместо этого попадает в ловушку вампиров.

Изгоняющий дьявола
У. П. БЛЭТТИ

Дьявол может вселиться в любого из нас и поработить душу, только святая сила способна встать у него на пути.

Зов Ктулху
Г. Ф. ЛАВКРАФТ

Три истории о звере миров – таинственном божестве Ктулху, пропитанные психологическим кошмаром.

Художники «УЖАСНОГО» выпуска и их портфолио

ЕЛЕНА ПОЛИКАРПОВА
Портфолио:
[www.olenya.livejournal.com](http://www olenya.livejournal.com)
yiolka@yandex.ru

ОЛЬГА КОВАЛЁВА
Портфолио:
www.illustrators.ru/users/olga_k/portfolio

ЕКАТЕРИНА МАМАЕВА
Портфолио:
www.artblackbunny.blogspot.com

ВЛАДИМИР РЫЛОВ
Портфолио:
www.illustrators.ru/users/id53906/portfolio

НАТАЛЬЯ ПРУСАКОВА
Портфолио:
www.mrnat.deviantart.com

BUBINGIN
Портфолио:
www.bubingin.com

HELLTER SKELTER
Портфолио:
www.hellter-skelter.deviantart.com

Ваш **ВОПРОС** наш **ОТВЕТ**

На ваши **ВОПРОСЫ**
отвечает профессор
ЗАКОРЮЧКА

В последнее время к нам в редакцию приходят вопросы. Это не может не радовать, так как говорит о доверии к нам со стороны читателей. Поскольку отвечать каждому сложно, мы решили завести новую рубрику. Теперь вы можете постоянно присылать вопросы на наш почтовый ящик authorstyle@mail.ru или задавать через форму на сайте. Самые интересные будут опубликованы в журнале.

Анна (Екатеринбург):

Нашла в Интернете мнение, что использовать слово «круто» – значит убивать русский язык влиянием западных слов. Что вы думаете по этому поводу?

Проф. Закорючка:

Начнем с того, что слово это вовсе не западное, не восточное и не какое бы то ни было еще. Имеет исконно русские корни, а потому говорить о его заимствовании не стоит. Происходит от праславянского *krŭt*, от которого произошли «крутые» слова таких языков как украинский, словенский, польский, чешский, словацкий и др.

Подобные претензии можно было бы предъявить слову класс, которое пришло из латинского (через французский), если через века у вас появится смелость обвинять Петра I в заимствовании или воровстве слов.

Алексей (Ростов-на-Дону):

Моей книге присвоили ISBN, но я не могу найти ее через каталог Международного реестра книг. В чем может быть проблема?

Проф. Закорючка:

Важно помнить, что покупка номера ISBN и его печать в книге не значит, что книгу зарегистрировали. Согласно законодательству РФ, после покупки номера необходимо отослать 16 экземпляров книги в Книжную палату, а также заполнить карточку издания, где указать данные об авторе и книге. Если второй или третий пункт не выполнены, официально книги все еще не существует.

Елена (Челябинск):

Стоит ли заверять авторское право у юриста? И как вообще защитить авторское право на произведение?

Проф. Закорючка:

Самый правдивый ответ, который приходит на ум, – никак. Увы, в законодательстве нашей страны очень много вопросов на этот счет, очень много недостатков и изъянов, ведь мы до сих пор еще вынуждены пользоваться Законом от 1993 года и поправками 2006 года. Многие юридические конторы, специализирующиеся на авторском праве, предлагают заверить рукопись примерно за 5000 рублей. У этой медали есть две стороны. Рукопись получает подпись нотариуса, но это не значит, что ее нельзя украсть. Если сколько-нибудь изменить содержание, имена героев или концовку, рукопись уже не та в прямом смысле этого значения. С другой стороны часть юристов при заверении авторского права предлагают заключить договор о защите авторских прав в случае их нарушения. И если вашу рукопись все-таки уведут, юрист встанет на вашу защиту. И правосудие в таком случае будет на стороне того, кто в зале суда окажется умнее и подкованнее в вопросах авторского права. ♦

Авторский Style

ФЕВРАЛЬ 2013
САМЫЙ УЖАСНЫЙ ВЫПУСК №1 (9)
© ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ
«АВТОРСКИЙ СТИЛЬ»
ОГРНИП 312450136100020